

ИСТОРИЧЕСКИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДАРЬЯ ПЛЕЩЕЕВА

ИГРА С ГОДУНОВЫМ

Дарья Плещеева
Игра с Годуновым
Серия «Исторические
приключения (Вече)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43117311
Игра с Годуновым. Роман: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8216-8

Аннотация

Начало 1595 года. В Москву прибывает посольство казахского хана Тауекеля, чтобы провести важные переговоры об освобождении заложника, племянника хана – Ораз-Мухаммада. Приезд послов очень интересен живущим в Москве английским купцам, которые понимают: тут можно за спиной кремлевских бояр и Бориса Годунова заключить соглашения для более выгодной торговли с Востоком. Тем временем подьячий Старого Земского двора Иван Деревнин и его приятель, площадной подьячий Данило Воробей ночью спасают девушку в странном на взгляд москвитов платье, не понимающую ни слова по-русски. Кажется, девушка оказалась опасной свидетельницей... но свидетельницей чего? Деревнину вместе с друзьями предстоит распутать эту интригу.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Боярин и воевода	18
Глава 2. Мастер Кит	48
Глава 3. Безымянная девка	82
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Дарья Плещеева

Игра с Годуновым

Роман

Пролог

Носильщики остановились у крыльца, встав так, чтобы сидевший в портшезе человек мог выйти прямо на каменную ступеньку и не испачкать изящные легкие туфли в майской лондонской грязи. Этого мало – всадник, сопровождавший портшез, спешился и, взойдя к самой двери, протянул к портшезу руки; тому, кто тайно прибыл ночью в дом лекаря Димсдейла, требовалась помощь; хромая нога мешала ему во многом, но подчиненные выучились ему молча помогать. Сам же он выучился принимать помощь без особого смущения, хотя это и не сразу ему далось.

Второй всадник, закутанный в плотный суконный плащ так, что лишь нос торчал, остался в седле.

Все пятеро были в масках: носильщики – в кожаных, всадники – в матерчатых, а тот, кто вышел из портшеза, – в шелковой. Из-под черного шелка виднелись рот и модный острый клинышек рыжеватой бородки.

– Благодарю, Роули.

– Погодите, милорд, я постучу.

Стук был условный. Лекарь был предупрежден о визите – его ученик сразу отворил дверь.

Ученик был молод, и его грызло любопытство: кем бы мог быть этот ночной гость в шелковой маске, в довольно длинном черном плаще, достигавшем колен, в перчатках из прекрасной испанской кожи, но без шпаги, как полагалось бы знатной особе. Правда, шпага Роули с причудливым эфесом была несколько длиннее обычного клинка, и если бы лекарский ученик разбирался в оружии, он бы предположил: испанская, из толедской стали.

После того, как по особой милости Божьей шторм разметал, а английские корабли порядком потрепали Великую армаду, посланную испанским королем, чтобы покорить строптивый остров, уцелевшие суда ушли к северу, и там многие нашли свою погибель – шторма выбрасывали их на скалистые берега. Для местных жителей это было праздником – на разбитых судах они находили много ценного, от капитанских кошельков с золотом до бочек с оливковым маслом. Так что испанское оружие в Англии не было диковинкой.

Вышколенные носильщики сразу отошли и спрятались за углом. Второй всадник, ведя в поводу лошадь Роули, отъехал на полсотни шагов и встал так, чтобы видеть всю улицу справа и слева, а также темный и, возможно, опасный переулок.

– Прошу вас, милорд. – Ученик повел гостя к крутой лест-

нице, там остановился в нерешительности: ему бы следовало, подняв повыше свечу, подниматься первым, но оказаться спиной к такой знатной особе, да и не спиной даже...

– Иди, дурак, не заставляй милорда ждать, – приказал Роули.

Комната, куда их привели, была закутком на чердаке. Лекарь Димсдейл встретил на пороге, поклонился и указал рукой на постель.

– Вот он, милорд.

Они были знакомы уже несколько лет, лекаря милорду рекомендовал Роули, убедившийся, что этот человек умеет держать язык за зубами. Димсдейл даже исполнял некоторые поручения. Причем весьма ловко.

– Спит?

– Да, милорд, у него подушка набита хмелем, и я дал ему снадобья. Так лучше – он, если не спит, пытается снять с себя повязки и орет. Он такое орет, что мне становится страшно.

– Да, лучше, чтобы он помолчал, – сказал милорд. – Хорошо. Кто-нибудь знает, что у тебя на чердаке спрятан раненый?

– Джек, мой ученик и слуга. Стряпуха Мэри.

– Стряпуха не проболтается?

– Я с ней сплю, милорд, и она надеется обвенчаться со мной. До сих пор ни разу ни о чем не проболталась. А тут у меня и знатные дамы бывают. Вы понимаете...

– И никто не видел, как его внесли в твой дом?

– Этого я знать не могу, милорд. Дело было поздно вечером.

– Роули, ты уверен?

– Прежде чем вносить раненого, я послал Гарри пробежаться по переулкам. Ни в одном окне не было света. Прохожих с факелами тоже не было, – ответил Роули.

– Хорошо... Я твой должник, Димсдейл.

– Всегда к услугам вашей светлости, милорд.

Милорд подошел к постели. Лекарь, быстро забрав у Джека подсвечник, осветил голову и плечи лежащего человека, прочее было укрыто одеялом.

Голова была обмотана бинтами крест-накрест, оба глаза и щеки спрятаны под слоями холста.

– Милорд, Димсдейл вытащил его с того света, у черта из когтей, – сказал Роули. – Клянусь, когда я вез его сюда, то был уверен – не довезу. Сам удивляюсь, откуда у меня взялось столько милосердия.

С виду Роули менее всего был похож на аллегория Милосердия. Это был сорокалетний плечистый мужчина, чье лицо громко говорило о полной опасных приключений жизни: перебитый в драке нос; довольно глубокий и корявый шрам на щеке – старый; свежий шрам через лоб и висок; половины левого уха недостает; а сколько отметин на теле, знала лишь его подруга.

Димсдейл молча кивнул. Роули сгустил краски, желая показать в лучшем свете старого приятеля, и лекарь был ему за

это благодарен. Милорд же прекрасно понял этот маленький благотворительный обман.

– Да, при твоём ремесле милосердие – вещь лишняя и обременительная, Роули. – Милорд усмехнулся. – Оно будет оплачено особо. Хотя не так все это замышлялось...

– Он сам виноват, милорд. Я с ним условился, как ему себя вести, все ему растолковал, он согласился. Все должны были видеть, что мы друг с другом ссоримся и достали ножи. Но он обозвал Фризера, стал над ним издеваться, отчего – я не понял. Фризер также принялся на него кричать. Словом, спектакль кончился и началась настоящая драка. Когда Фризер ткнул его кинжалом в лоб, я думал – острое, пробив глаз, войдет в мозг. Но, видно, этот гуляка и распутник зачем-то еще нужен Господу. Все прочее сделано так, как вы приказали, в безымянную могилу опустили большой узел с тряпьем.

– Это хорошо.

– Я велел вашим людям разнести по всему Лондону слух, будто сочинитель Марло погиб в дурацкой драке из-за двух шиллингов и пяти пенсов. Об этом узнали во всех трех наших театрах.

– Хорошо. Думаю, он не только Господу, но и нашей королеве еще пригодится. Для того его и похоронили. Вот ведь неугомонное наследство...

– Да, милорд, именно так, – подтвердил, усмехнувшись, Роули.

Лежащий перед ними человек и впрямь был наследством, доставшимся сэру Роберту Сесилу от его предшественника – члена Тайного совета Англии, создавшего сеть шпионов на материке и сеть охотников за испанскими шпионами на острове, сэра Фрэнсиса Уолсингема. Он умел как-то справляться со своенравным сочинителем и заставить его служить английской короне.

– Дышит он, кажется, ровно. Будет жить, а, Димсдейл?

– Будет, милорд, за это я ручаюсь. Разве что сам не захочет жить. Он молодой человек, красавчик...

– Мы найдем способ его уговорить. Он что-либо о себе рассказывал, о своих делах?

– В первые дни, лежа в горячке, он бредил, милорд, и призывал чертей. Люцифера, Вельзевула и Тамерлана.

Роули невольно фыркнул, милорд очень тихо засмеялся – это был смех благовоспитанного придворного.

– А потом просто ругался, – добавил лекарь.

– Димсдейл, если к тебе придут его искать – ты ничего не видел, ничего не знаешь, – сказал милорд. – Ты слышал то же, что и весь Лондон, – в доме вдовы Булл случилась пьяная драка, одного мужчину закололи, его уже похоронили, кто такой – не знаешь, где – не знаешь...

– В безымянной могиле, – подсказал Роули. – Это очень важно. У церкви Святого Николая, неподалеку от дома вдовы. Там таких достаточно. А со всеми вопросами посылай к королевскому коронеру, который разбирает это дело. Он най-

дет, что ответить.

– Да, он найдет, что ответить, – согласился милорд. – Скажи-ка, Димсдейл, когда этот человек сможет сесть на лошадь и проехать несколько миль?

– Не раньше, чем я сниму с него повязки.

– Их обязательно должен снимать ты?.. – Милорд задумался. – Идем, Роули. Я рад, что он остался жив, истинно рад. Все могло быть гораздо хуже. Хоть он и безумец, но может принести немало пользы. Димсдейл, приготовь счет за услуги. Полагаю, на следующей неделе мы заберем этого господина. В любом состоянии. Но лучше, чтобы он мог уйти на своих ногах.

И больше милорд не сказал ни слова.

Заговорил он уже на крыльце, ожидая, пока на свист Роули прибегут носильщики с портшезом и подъедет безмолвный всадник.

– Привези мне все бумаги из его комнаты, Роули, – сказал милорд. – Там может быть немало любопытного. И собирайся в дорогу. Ты отвезешь его во Францию. Тут ему оставаться незачем. А во Франции и для него, и для тебя найдется дело. Ты отвезешь мои инструкции нашим людям, посмотришь свежим взглядом, что там к чему. Может быть, к твоему приезду эти сумасшедшие французы наконец выберут себе короля. А наш чудак вспомнит старые знакомства и поглядит, чем там развлекаются иезуиты. Заодно поищите следов присутствия испанского короля – в Париже непременно

околачиваются его люди. Потом вернешься с новостями.

– А он, милорд?

– Будет сидеть во Франции, пока архиепископ о нем не забудет. Он так разозлил нашего доброго архиепископа, что даже ее величеству, нашей доброй королеве, трудно было бы спасти богохульника. Господь был милостив к этому чудаку – мне удалось вмешаться сразу после доноса Ричарда Бейнса. Мне принесли копию этого доноса – думаю, по меньшей мере половина в нем правда. Лекции, в которых отрицается существование Господа, он доподлинно читал. Мальчиков он любил. Но изготовление фальшивых гиней – это сомнительно...

– Милорд...

– Слышу...

К дому лекаря приближались всадники. Милорд быстро забрался в портшез, и носильщики привычной рысцой унесли его, а Роули, дав знак молчаливому спутнику не приближаться, соскочил со ступеньки в грязь и прижался к стене.

Всадников было четверо, условного стука они не знали, но когда на стук отозвался Джек, назвали имя, несколько озадачившее Роули. Имя было таким ключом, что многие двери в королевстве отворил бы, – лорд Барли. Не отворить ему Димсдейл не мог.

– Выследил, старый дьявол, – пробормотал Роули. – Вот уж это совсем некстати... А эти кто же?

Двое вошли следом за лордом, третий остался при лоша-

дах. Он держал фонарь и озирался по сторонам – видимо, полагая, будто сумеет высмотреть в темноте подозрительных людей. Но если он кого-то боялся – не следовало ему освещать себя так явно, фонарь вполне можно было поставить на крыльцо, а самому встать спиной к стене и прикрыться лошадиным боком.

– Дурак... – шепнул Роули.

У дурака была короткая борода, закрывавшая не только подбородок, но и щеки. Росла она, кажется, от самых глаз. Лондонский житель не позволил бы себе такого безобразия. Под шляпой с узкими полями голова дурака была повязана платком. Это было хорошей приметой, но не единственной. Роули посмотрел на его ноги. Грубые сапоги были, кажется, из тюленьей кожи.

– Моряк? – сам себя спросил Роули.

Все это дело становилось очень любопытным.

Минут десять спустя дверь снова отворилась. За ней произошла возня, один из ночных гостей вышел пяťясь, снова вошел, изнутри послышалась ругань. Впечатление было – как будто из дома пытаются вывести средней величины слона. Но это, конечно, был не слон – в хозяйстве Димсдейла имелись носилки, их-то и пытались пронести в дверь непривычные к такой работе люди. Было даже удивительно, как они ухитрились спустить эти носилки по высокой и крутой лестнице.

На носилках лежал раненый, чья голова была обмотана

полосами холста.

Роули невольно улыбнулся – его ожидало зрелище позанимательнее, чем любое театральное.

Видимо, похитители раненого считали, что он сможет сесть в седло. А он не мог – снадобья Димсдейла лишили этого мужчину способности мыслить и передвигаться, их действие могло кончиться лишь к утру, а то и к полудню.

Роули еще раз убедился в том, что за Китом Марло пришли моряки. Лорд Барли не стал бы пачкать о него перчатки, а трое моряков не имели опыта перевозки раненых по суше. Роули испугался, что несчастного уложат на конскую холку кверху задом, с них бы случилось, но его с большим трудом подняли в седло и повезли, поддерживая с двух сторон, шагом. Оставшийся без лошади человек, кажется, вздохнул с немалым облегчением и направился в другую сторону.

Роули осторожно пошел следом. Поняв, в каком направлении они двигаются, он вернулся к своей лошади и молчаливому спутнику.

– Отправляйся к милорду, Гарри, и, если он еще не в постели, все ему расскажи. А я попробую понять, куда они утащили нашего шалопаю.

– Будет сделано.

На следующий день к обеду Роули уже сидел на заднем дворе сэра Роберта Сесила, под окнами кухни, и терпеливо ждал встречи. Ему вынесли туда кружку эля, и он наслаждался теплым майским солнышком и прекрасным напитком.

Его отвели в кабинет милорда. Тот сидел за столом и быстро раскладывал по стопкам письма, делая на них пометки. Там же были два секретаря, которым он отдавал короткие распоряжения. Кому-то иному показалась бы удивительной такая сосредоточенность и скорость Сесила. Но Роули знал его не первый день – он мог поклясться, что до обеда сквозь руки милорда прошло около сотни писем.

Он поклонился с ловкостью, достойной молодого придворного.

– Докладывай, – велел сэр Роберт.

– Докладываю, милорд. Дело оказалось смехотворным. Нашего сочинителя отвезли в дом вдовы Булл...

– Это еще зачем?

– У вдовы нанимает часть дома наша «Московская компания», а сама она – родственница лорда Барли, который это устроил. О его дружбе с «Московской компанией» вашей светлости известно.

– Известно. Думаю, о бескорыстии тут речи нет.

– Если угодно, мы узнаем, сколько купцы платят лорду за покровительство.

– Пока не надо. Полагаю, люди, торгующие с Московским царством и посылающие туда за навигацию более десяти кораблей, могут хорошо оплатить дружбу лорда. Дальше!

Роули тихо засмеялся.

– Дальше – греческая история про быка и Европу. Есть бык, есть морская пучина, а Европа – наш беспутный сочи-

нитель. В конторе «Московской компании», как оказалось, сидел и ждал племянника капитан Энтони Марло. Уже светало, он, надо думать, проторчал там всю ночь. На улицах уже появился народ. Я выждал немного, подозвал уличных мальчишек, дал им два пенни и узнал все, что требовалось. Они сказали, что у крыльца стоял экипаж, а потом он укатил вон туда – я сразу заподозрил, что в сторону лондонского порта. Еще мальчишки рассказали, что в экипаж садился мужчина в годах, плотного сложения, и другой, чья голова была обвязана холщовыми лентами, так что он с трудом разбирал, куда ступает, и первый вел его под руку. Это и были наш добрый капитан с дорогим племянником. Я выждал еще немного и вошел в контору с вопросом, скоро ли начнется навигация. Сказал, что желаю передать письмо родственнику, который сейчас живет в Московском царстве и занимается коммерцией. Мне ответили: беги скорее в порт, сегодня как раз отходит «Минерва» капитана Энтони Марло!

Сэр Роберт Сесил так удивился, что выронил перо.

– Так что же получается? Его увезли в Московское царство?

– Не думаю, милорд. Высадят где-нибудь по дороге. Возможно, в одном из датских портов. Оттуда он уж как-нибудь проберется во Францию, где у него приятели-гугеноты. Те, что помогали выслеживать заговорщиков. Сейчас гугеноты не должны скрываться, на французский трон вскоре взойдет их король – король Наварры. Думаю, наш Кит не пропадет.

При королевском дворе для него занятие найдется.

– Да, во Франции он не пропадет. А если дурная погода не позволит причалить в Дании? Что тогда?

– Тогда, милорд... – Роули развел руками. – Тогда один Бог над ним властен.

– И повеселюсь же я, когда узнаю, что его довели до Московского царства! – Сэр Роберт негромко рассмеялся. – До чего же причудлива судьба у этого человека...

– Да, милорд, это лучшее место, чтобы спрятать нашего сочинителя. Каким же безумцем нужно быть, чтобы проповедовать отсутствие Бога...

– Вот и говори после этого, Роули, что Фортуна не любит пошутить. Замечательный поэт, сочинитель трагедий, на которые лондонцы ломались в двери театра, забыв про схватки борцов на ярмарке, медвежью травлю и петушиные бои, ученик сэра Фрэнсиса Уолсингема, который ухитрился воспитать из этого шалопая отличного разведчика, – и вдруг в Московском царстве! На что он там?

– «Московская компания» найдет для него занятие. И там до него не доберется архиепископ Кентерберийский. А тот ведь сильно зол на нашего Кита Марло, и если бы его не упокоили в безымянной могиле...

– ...то сейчас он бы уже сидел в Тауэре, готовясь к пыткам, к суду, а затем, возможно, и к смерти за богохульство. Причудливый человек, что и говорить.

– Я боюсь, что он и в Московском царстве придумает та-

кую проказу, что за ним станут гоняться вооруженные отряды, чтобы схватить и повесить, – сказал Роули. – Мирная кончина в собственной постели ему не угрожает. Но если он не сумеет высадиться в Дании, то увидит того монарха, который сватался к нашей королеве, да хранит ее Господь. Могу держать пари – он употребит этого монарха и это сватовство для новой трагедии... или наконец напишет комедию?..

– Того монарха больше нет в живых, мой добрый Роули, на троне – его сын. Если верить донесениям – богомолен и слабого здоровья. А всеми делами заправляет брат супруги этого государя, некий вельможа. Я вынужден читать столько писем о более важных делах, что донесения «Московской компании» просматриваю наскоро и имен не запоминаю...

Сэр Роберт замолчал. Это означало конец беседы.

– Милорд, будут еще распоряжения?

– Нет, мой добрый Роули, можешь отдыхать. Только взгляни к Димсдейлу и еще раз предупреди – он никого не лечил, он ничего не знает, а на чердаке была соседская служанка, которая чуть не померла... Он сам тебе скажет, от чего женщина может помереть. И сам условится с какой-нибудь служанкой.

– Будет исполнено, милорд.

Глава 1. Боярин и воевода

Борис Федорович Годунов ждал гостя и сам с большим удовольствием доставал из вышитого замшевого мешочка и расставлял фигуры, тонко вырезанные из слоновой кости; были еще у государя шахматы янтарные и хрустальные, но эти как-то более полюбились. Годунов очень хотел сразиться с гостем в эту игру.

Накануне вечером прибежал человек, принес грамотку, и Борис Федорович ради встречи отложил все дела.

В углу горницы, где он обыкновенно принимал гостей по-свойски, стоял шахматный столик – клетки набраны из редких древесных пород. Эти фигуры и этот столик Борис Федорович забрал из покоев государя Иоанна Васильевича через несколько месяцев после его смерти. Он рассудил – царевич Федор, унаследовавший трон, в шахматы играть заведомо не станет, игра в его понимании – грех; ставшая царицей сестра Бориса Федоровича, Ирина, охотно отдаст брату все, чего тот пожелает, лишь бы оставался ее верным помощником и взял на себя тяжкий труд правления. А не то что столик с фигурками...

Их было тогда четверо в Кремле Годуновых – Борис Федорович, его дядюшка Дмитрий Иванович, сестрица Ирина Федоровна и Марья Григорьевна, Борисова жена. Все – незнатных родов. Дядюшка по воле случая оказался в опричнине и

сумел так угодить покойному государю, что тот сперва пожаловал его в постельничьи, потом понемногу и более возвысил; Дмитрий же Иванович взял племянника, которого растил после смерти брата Федора, к себе и так исхитрился, что Бориса еще почти отроком приблизил к себе государь Иван Васильевич и женил на дочери соратника своего, Григория Скуратова, прозванием – Малюта. А против них – Рюриковичи, Гедиминовичи и Бог весть каких еще стародавних князей, выходцев из неведомых земель, потомки.

Царь собирал вокруг себя тех, для кого он – единственная опора, безродных и жадных до власти и подачек. Князьям он не верил – был убежден, что московская знать отравила его матушку Елену и, дай ей волю, его самого отравит.

Годуновы не раз по ночам тайно совещались тогда вчетвером – по-семейному. Жена царевича Ирина и боярыня Марья участвовали в совете на равных. С этими женщинами дядюшка и племянник считались: одна была умна и честолюбива, ее влияние на будущего государя много значило, другая – и умна, и честолюбива, и при нужде жестока, и жалости к противнику не ведала – вся в своего батюшку, исполнившего такие кровавые поручения царя Иоанна Васильевича, что и много лет спустя после смерти Малюты на Москве о нем с ужасом вспоминали. Все четверо были друг дружке необходимы.

Когда сделалось ясно, что царь доживает свои последние дни, его любимец Богдан Бельский, не желая видеть на пре-

столе царевича Федора, додумался – звать на царство эрцгерцога Эрнеста из Вены, коего покойный государь как-то вдруг вздумал сделать польским королем. Этого Годунов не желал, при помощи дядюшки, сильно обеспокоенной сестры и жены он нашел выход из положения.

Ирина Федоровна не только желала быть царицей, она привязалась к болезненному супругу, пеклась о нем, желая продлить его век, хотела родить ему дитя. Потом, годы спустя, после лечения, это ей удалось. Но после дочери Федосьи, скончавшейся во младенчестве, чрево оставалось праздным, и она полагала – виновен в том муж. Малорослый, постник, плотское ему почти чуждо... Да если его хоть такого не убережь, то вдове одна дорога – в девичью обитель.

Сперва Борис Федорович Годунов настоял на том, что неопытному царевичу нужен опекунский совет, затем исхитрился его собрать так, чтобы все были довольны. Себе он там определил скромное четвертое место – на первом по праву был боярин Романов, отец первой и любимой супруги Иоанна Васильевича, затем – князя Мстиславский и Шуйский. Годунов прекрасно знал, что князя за глаза его зовут татаринном безродным, и искал союзников среди людей скромного происхождения, но умных и ловких.

Насчет происхождения князя были по-своему правы – Борис Федорович считал предком ордынского мурзу Чета, что приехал служить великому князю Ивану Калите и был окрещен с именем Захария. От того же Чета вели свои родо-

словные близкие к государю Сабуровы и Вельяминовы. Что для Рюриковичей какой-то мурза? А ведь не все коту масленица – бывает и Великий пост. Старые княжеские роды при покойном государе немало пострадали – иной князь бежал, иной был казнен, иной подчистую разорился. При таком разгроме открылась дорога вверх для тех, кто предками не хвастался, а пошел служить в опричнину, полностью приняв новое правило, по коему и велик, и мал живет государевым жалованьем.

Вскоре после смерти царя Романова разбил паралич, а Мстиславского удалось обвинить в покушении на жизнь Бориса, и князя постригли в монахи. Шуйский же устроил заговор, чтобы развести молодого царя с Ириной и женить на своей дочери. Ответный заговор Бориса был прост и неприятелен – его доносчики обвинили Шуйского в попытке покушения на жизнь царя Федора. Этим ловким ходом Борис избавился от многих недоброжелателей – и выбросил их из Москвы, как сбрасывают с шахматной доски убитые фигуры.

На эту игру у него ушло почти пять лет.

До сих пор Борис Федорович поминал добрым словом покойного царя, хотя меж ними всякое случалось. Было и такое – царь опалился гневом на старшего сына Ивана, Годунов вступился за царевича, был поколочен царем, долго лечился. Царь сам к нему приехал восстановить дружбу. Спорить с Иоанном Васильевичем не приходилось – обиду при-

шлось забыть.

А теперь Борис Федорович – вершитель всех государственных дел. Как он скажет – так и государь приговорит. Чтобы быть поближе к царскому семейству, Годунов затеял строить себе знатные хоромы в Кремле, и чтобы главные ворота выходили непременно на Соборную площадь. Стена же каменная, и двор сразу. Как войдешь, камнем вымощен. Приятно, выйдя на гульбище, что опоясывает первые построенные палаты, глядеть, как трудятся плотники, как мостят последние уголки двора нанятые в Немецкой слободе мастера. Жилые палаты пока невелики, но рядом возводят четырехъярусное здание, всем боярам и князьям на зависть. И вход туда будет не со двора, а прямо с площади; замысел взят с немецких гравюр, и нигде более на Москве такого нет.

Главное – уже готова большая столовая палата, стены расписаны, резные скамьи вдоль стен поставлены. Все послы, что прибывают к государю, сперва званы представиться в государевы палаты, где для них устраивают пир, а несколько дней спустя – в годуновские палаты, где пир едва ли не богаче. Шепчись, изумленная Москва, перемывай косточки боярину! Боярин уверенно движется вверх, и поглядывать вниз ему недосуг.

Суконная завеса, прикрывавшая низкую дверь, шелохнулась. Так, без спроса и без предупреждения, могла войти, спустившись из терема, только жена, Марья. Боярыня Годунова.

Она была ростом невысока, с годами располнела, и черные косы, которыми когда-то пленился Борис Федорович, уже пробитые сединой, убраны в волосник и под рогатую кичу. Походка была беззвучна, как у кошки, походка была усвоенная еще в девичестве, когда Марья училась двигаться плавно, как лебедь плывет. К тому же на ногах – комнатная обувь, мягкие ичиги.

Теперь боярыня тому же учила дочку, Аксиныю, и нарадоваться на нее не могла, берегла пуще глаза свою красавицу, умницу, рукодельницу. Не уставала твердить мужу: ищи жениха, ищи жениха! Искать решили среди иностранных королевичей, пусть даже захудалых, – не желали отдавать дитя Гедиминовичам или Рюриковичам, в чьем доме ее могли бы попрекнуть низким происхождением. Да и дружество с иными державами необходимо – но тут, когда о том речь заходила, муж и жена разом вспоминали смехотворное сватовство покойного царя к английской королеве и его тайную подоплеку.

О том сватовстве рассказывали ныне разные глупости, а правду знал боярин Годунов. Царя порой охватывал невыносимый страх, и он помышлял о надежном убежище. Он видел кругом одних лишь врагов – да ведь и имел на то все основания. Отсюда – ловкая, как ему казалось, игра с английской королевой.

Елизавета, совершенно не собираясь замуж, успешно морочила головы европейским женихам. Царь Иоанн не был

украшением ее коллекции. Но она желала помогать «Московской компании», которая в конце концов стала главной в поставке английских, да и вообще европейских товаров в Московское царство. Царь это понимал, но попыток не оставлял.

От Джерома Горсея, несколько лет управлявшего конторой «Московской компании», королева знала: царь-многоженец хотел заполучить ее руку, чтобы при нужде укрыться от своих врагов в Англии. Это смахивало бы на сказочные истории о рыцарях и феях, если бы не точные известия о постройке множества судов в Вологде и о тайной доставке туда многих царских сокровищ; путь же из Вологды в Лондон водой был долог, но более или менее надежен и удобен для бегства.

Боярин Годунов также имел недоброжелателей, также понимал, что его положение у трона, при хвором государе, ненадежно и даже самый захудалый немецкий князек мог бы приютить тестя с тещей, которые прибегут отнюдь не с пустыми руками.

Понимала это и боярыня Годунова.

Дочь Григория Скуратова знала более, чем требуется для ведения домашнего хозяйства. У боярыня должна быть дружба с воеводами, чтобы, коли случится беда, не переметнулись на сторону какого-нибудь мятежного князя. Гость, которого ждал Годунов, был из тех, на кого можно положиться. Стало быть, нужно его привечать и радовать...

– Надо бы подарок твоему воеводе сделать, – сказала Марья Григорьевна. – Девки у меня в светлице вышили шелками знатную сорочку, сама залюбовалась. Марфице за то серьги подарила. У них, у киргиз, принято – гостю подарки дарить, я узнавала.

– Он не киргиз, а киргиз-кайсак. Его род точно из киргизских степей вышел невесть когда, отделился, стали жить сами по себе. Не любят, когда их так зовут. Они, сказывали, сами себя именуют казаками. Но выговаривают не по-казацки. А сорочку отдашь, когда принесешь чарку...

Борис Федорович хотел оказать гостю почет – из рук жены чарку, да еще с поцелуем. И вдруг вспомнил, что негоже, но жена опередила:

– Не станет пить. Вера ему не позволяет.

– Татары же пьют, когда их никто не видит.

Сказал да и вздохнул: если бы удалось выпоить гостю чарку дорогого и крепкого ставленого меда! И беседа бы легче пошла.

– Так то – татары. Они уж свои, хоть и Магометовой веры. Потихоньку могут оскоромиться. Этот, сам видишь, дикий зверь, – сказала боярыня. – Хоть и нашей речью отменно владеет, хоть и знатного рода, а все боюсь – взгляд у него нехороший... Видно, в степях Магометова вера какая-то иная.

– Потому и к обеду не зову. Ради него одного не велеть же поварам стряпать мясное без свинины. Учует свиной дух – может и стол опрокинуть, с него станется. Вели прислать с

поварни каких ни есть заедок и кувшин с квасом, другой со сбитнем, да чтоб не смели в сбитень вина добавлять. Дикий зверь... Плохо ли ему на Москве живется? Пора бы уж из рук корм брать. Ладно, пришли кого ни есть с сорочкой, а от меня будет перстень с руки. Вот этот, с лалом.

Малиново-красный камень был из редких, и боярин надеялся, что воевода оценит и поймет такой дар.

– С лалом? – Марья Григорьевна поморщилась, нахмурилась, перстень был из дорогих. – Ин ладно. Коли для дела.

Это был удачный союз: его хитрость и ловкость, ее железная воля и жесткий нрав. Они почти за четверть века не просто поладили – срослись, научились не придавать значения мелким несогласиям. Сейчас им особенно следовало держаться друг за дружку – дядюшка Дмитрий Иванович чиновен, да стар, государь хвор, долго ли протянет – неведомо, и следует готовиться к тому, чтобы защищаться.

Боярыня присела к шахматному столику и подвигала костяные фигуры, чтобы стояли ровнее.

– Как Феденька? – спросил Борис Федорович.

– Оправился, почти здоров. Жар сошел. Мамки день и ночь сидят рядом, чуть что – питье подносят. Но из покоев я его пока выпускать не велела. Сказывали, в Немецкой слободе можно купить листы с напечатанными парсунами, городами, божьими тварями. Вели послать туда холопа, пусть бы купил для Феденьки. Да и немецкие книжки пора для него начать собирать.

– Умница моя, – ответил боярин. Сам он был малограмотен и в книжных делах полностью полагался на жену. Зато память имел отменную: то, что иной на его месте записал бы на листках и потом сшил их в тетрадку, Борис Федорович держал в голове.

Он не считал шестилетнего сына младенцем, кому еще рано разбирать молитвослов по складам. Желая, чтобы дитя росло книжным и понимало, что творится в государстве, боярин сам порой сидел с ним, растолковывая, откуда берутся цены на хлеб и сколь важно заводить в Москве кирпичные заводы. Они вместе поднимались на кремлевские башни, чтобы оттуда смотреть на Кремль, на Китай-город, на Замоскворечье, на реку с ее изгибами и медленно плывущие суда, считать маковки церквей.

Боярин с боярыней еще потолковали о домашних нуждах, потом боярыня поправила мужу атласную тафью и легонько одернула шелковый цветной кафтан. В покоях было жарко – от крепко натопленной изразцовой печки в пору в одной рубахе распояской сидеть, но гостя в таком виде не примешь.

– Калмыки, – сказала она, уходя.

– Да, калмыки, – согласился он.

Муж и жена прекрасно друг друга поняли.

Гость явился вскоре после того, как боярыня вышла.

На столе уж стояли кувшины, стаканчики, узорные плоски с орехами, пастилой, пряниками на меду, сладкими пирожками, сухим вареньем из ягод, как его делают поляки.

Внизу, на поварне, держали наготове богатую рыбную калю, чтобы при нужде сразу подать ее горячую на стол, да с хорошим хлебом и с мисками икры на закуску. На краю плиты держали также тельное из рыбы и карасей в сметане, казанок с сорочинским пшеном, вздели на вертелы куриные тушки – чтобы при знаке из покоев наскоро приготовить куря верченое.

Сорочка, пестро расшитая, в шелковом мешочке, лежала на аналое, поверх раскрытой книги – книга предназначалась для гостей, пусть думают, что боярин Годунов на досуге читать изволит.

Годунов знал, о чем будет просить гость, и надеялся, что сумеет отказать мягко и ласково.

В сенях сидели на лавке молодые челядинцы – те, что на посылках, и скуки ради играли потихоньку в зернь. Явление гостя их даже обрадовало – он, взбежав на высокое крыльцо и пройдя известными ему переходами, скинул им на руки волчью шубу, крытую синим сукном, а они, как велел боярин, всем видом показали, сколь боярский дом гостеприимен.

Лисьей шапки гость не снял. Так в ней и вошел. Это показалось странно: да какого же вежества ожидать от степняка, да еще магометанской веры?

Гость был молод – по мнению Бориса Федоровича, не более двадцати трех лет. Годунов помнил, как его, парнишку-пленника, привезли в Москву из Сибири вместе с плен-

ницами его рода. Это было ценное приобретение – хотя Годунов тогда больше беспокоился о том, что будет на западной границе, чуть меньше – о том, как сибирские казаки гоняют уже почти не опасного хана Кучума, но любопытствовал и о делах степняков.

По степи пролегал путь в Бухару и Самарканд, и даже далее – путь в Китай.

Парнишка был из потомков славного Чингисхана, а это и для московских князей, чванящихся высокородством, много значило. Дед его – потомок Чингисхана Шигай, хан у киргиз-кайсаков, отец – славный воин Ондан-султан, носивший прозвище Узын-ук – Длиннострелый. Брат его, родной дядюшка парнишки, – Тауекель-хан. Такой пленник мог пригодиться в хозяйстве, и потому ему вместе с его семьей назначили тогда хорошее содержание. Вскоре Борис Федорович узнал от боярской и княжеской молодежи, с которой пленник выезжал охотиться, что он телом крепок и разумом быстр, что доблестен и в погоне за добычей неутомим. Да и Длиннострелый, как его батюшка.

Годунов отправил его воевать со шведами и увидел, каков он в деле. Это было даже удивительно, однако грех не воспользоваться способностями юноши. Сам боярин в воеводы не годился – прекрасно это сознавал. Он предпочитал не воевать, а договариваться. Но бывают случаи, когда переговоры бесполезны. Был только один способ вернуть потерянные в минувшей войне со шведами города Ям, Копорье, а осо-

бенно был необходим город Нарва – он давал выход к морю.

Рядом с боярскими детьми и княжатами молодой киргиз-кайсак был как персидский аргамак рядом с возниками, годными только в оглобли. Что такое бой – он знал не понаслышке, к тому же рядом был его воспитатель, растивший его для побед и мудрого правления своим народом. Дав ему под начало татарскую конницу, Годунов увидел, что юноша на многое способен, умеет повести за собой, знает толк в расстановке сил; видать, научился, живя при хане Кучуме, у которого, статочно, служили и китайцы – из тех, что сведущи в военном деле. Такого бойца следовало сделать воеводой и приблизить к себе – так рассудил Годунов, – такой воевода необходим. Он не связан родством ни с кем на Москве, он вряд ли впутается в заговор, а защищать будет того, из чьих рук кормится...

– Добро пожаловать! – сказал гостю боярин, сам пошел навстречу, чтобы даже приобнять воеводу – слегка, по-отечески.

Звали гостя – Ораз-Мухаммад, на русский лад – Оразом Ондановичем. Он прибыл с малой свитой верхом – нехорошо жигиту кататься в санях, когда есть кони. Свита осталась внизу.

Это был юноша, чье лицо безмолвно говорило о древней и благородной крови. Тонкие черные брови вразлет отчего-то наводили на мысль о стремительной и хищной птице. Глаза, не столь узкие, как у знакомых боярину степняков, и лицо,

не столь широкое, и черные усы – тоже тонкие, обрамлявшие небольшой рот и спускавшиеся чуть ниже уголков губ, и черная бородка, совсем короткая, подчеркивавшая очертания чуть впалых щек, – все это вместе заставило однажды боярыню Годунову, впервые увидевшую Ораз-Мухаммада, прошептать:

– Ишь, девичья погибель...

Он был одет на свой, на степной лад: на замшевый бешмет нашиты золотистые узоры, к поясу прицеплены кошель, нож в ножнах и серебряная пороховница, сам пояс украшен золотыми накладками – крылатыми конями-тулпарами, широкие порты заправлены в покрытые богатой вышивкой сапоги. Войдя, Ораз-Мухаммад снял с головы лисий малахай и поклонился. Затем огляделся, увидел у стены лавку с богатым суконным полавочником и положил свой малахай, как показалось Годунову, – совершив перед шапкой поклон.

– Отменную лису ты добыл, Ораз Онданович, – сказал Годунов. – На Москве тебе шапку шили или свои умельцы есть?

– Не шапка, тымак. Тымак моего отца.

Годунов был сообразителен: коли гость прибыл в отцовской шапке – стало быть, гостевание для него много значит. Но надо было соблюсти обычай вежества.

– Каково поживает матушка твоя, Алтын-ханум? Каково поживают сестрицы?

– Благодарение Аллаху, все здоровы.

– А бабка, Ази-ханум?

– Ази-ханум бодра и полна сил.

Тот, кого Годунов приставил соглядатаем к Ораз-Мухаммаду, исправно доносил, что бабка, невзирая на почтенные годы, во все сует нос и внук очень с ней считается. Видно, она была из тех киргиз-кайсацких женщин, что могли выехать в сражение наравне с мужчинами, метко стреляя из лука и разя саблей. О повадках степнячек, которые носят порты на мужской лад и способны целый день не сходить с коня, Годунов был наслышан.

Был при Ораз-Мухаммаде человек, с которым боярин охотно бы потолковал, – Кадыр-Али Жалаири, человек ученый, попавший в плен вместе с юношей, которого сам с тринадцати лет воспитывал, и привезенный в Москву. Годунов встречался с ним, задавал через толмачей вопросы и при этом чувствовал себя ниже этого пленника. Но это было давно, вскоре после того, как пленников доставили в Москву. Годунову было любопытно – что это за человек, служивший визирем у хана Кучума, потом успевший сбежать в степь и вернувшийся к Кучуму уже в ином качестве – главным эмиром Среднего жуза. Его полномочия, данные Тауекель-ханом, были велики, он приступил к переговорам с сибирским беком Сейтеком – и вместе с ним был пленен. Теперь, как донесли Годунову, старик предавался ученым изысканиям и писал сочинения о своем племени.

Боярину было трудно даже вообразить, как человек, не

имея под рукой старых книг и летописей, может сподвигнуться на такие сочинения. Он сам в силу своей малограмотности очень многое держал в памяти, но ведь не подробности военных походов, случившихся пятьсот лет назад.

– Иным разом привези с собой Кадыр-Али, – попросил Годунов.

– Иншалла.

– Очень достойный человек. Хочу потолковать с ним и понять, кто такие киргиз-кайсаки...

И тут Годунов понял, что совершил ошибку.

– Мы – казахи! – заносчиво перебил его Ораз-Мухаммад.

Боярин попытался выговорить это слово так, как произнес молодой воевода. То ли «казаки», то ли «хазахи», во всяком случае, звук был непривычный для русского уха и языка. Но Ораз-Мухаммад одобрительно кивнул – он оценил любезность Бориса Федоровича.

– Садись, сразимся, – предложил Годунов, указывая на шахматный столик. Он знал, что обыграет воеводу.

Ораз-Мухаммад сел с той стороны, где темные фигурки. Годунов велел ему пересесть – играющий белыми имеет больше возможности победить. И дальше их разговор шел под постукивание фигурок о столик.

Начало игры было для боярина несложным – они и с покойным государем стремительно проскакивали начало, наскоро разменивали несколько фигурок, а потом уж было над чем поломать голову.

– Знаю, о чем просить пришел, – сказал Борис Федорович. – Хочешь встретиться с послом хана Тауекеля. Мне донесли – посольство уже в двадцати верстах от Москвы. Для него приготовлен Крымский двор, хоть он и маловат. Забор укрепили, стрельцы в караулы назначены.

– Хочу.

– Ораз Онданович, так за чем же дело стало? У меня в палатах и встретишься. Посольство явится к великому государю, потом будет пир. А дня через два я приму посла у себя. Тогда и будешь зван. Ты лучше дай мне совет – чем таких гостей потчевать.

Годунов имел в виду не только застольное угощение. Обычно после приема у государя послам посылались туда, где их поселили, «корма» – большие блюда с лакомствами от царского стола, дорогие вина. Боярин и у себя завел такой же обычай. И его «корма» были не хуже царских.

– Посол был бы рад увидеть на твоём столе казы, бесбармак – как его подают самым почтенным гостям, жал-жая. Но для этого нужно нарочно откармливать лошадей. На Москве такого нет. Думаю, будет хорошо, если послу поднесут вареную баранью голову, это знак уважения. А все прочее – баранина, хороший хлеб, пироги пряженые... У нас пшеничная мука дорогая, а на Москве ее сколько угодно, – сказал воевода, и боярин отметил это «у нас».

– А еще?

– Пришли ко мне своего повара, мой его научит готовить

кауырдак. Это бараньи потроха – когда режут барашка, женщины очень быстро это делают, чтобы сразу подать мужчинам. Посол будет удивлен, но оценит твое к нему расположение.

– Благодарствую... Ты гляди, какой я сделал ход и какой твоей фигуре угрожаю, – предупредил он.

– Так смогу я увидеться с послом?

– В моих палатах, Ораз Онданович.

Это было сказано строго и даже жестко.

– Отчего я не могу приехать к Кул-Мухаммаду на Крымский двор? Мы давние знакомцы, вместе выезжали на ястребиную охоту...

– Оттого, Ораз Онданович, что посол хана Тауекеля имеет задание: помочь тебе покинуть Москву и присоединиться к хану. Об этом догадаться нетрудно. Будь внимательнее, я угрожаю твоему коню. Конечно, у него есть и другие цели. Я знаю, что хан Тауекель готовит поход на Бухару. Это будет большая война. Хану нужно оружие огневого боя – пушки, пищали, к ним порох. А где их взять, коли не у меня? И ты ему для этого похода тоже нужен. Я позвал тебя сюда, зная, что будешь проситься домой...

– Буду! Отпусти меня! – воскликнул молодой воевода. – Не могу более тут жить. Я тут – как лист одинокий, с высокого дерева слетевший.

– Отчего ж одинокий? Твоя семья с тобой. Государь тебе поместье на Оке пожаловал. Двор твой богат. Чем тебе тут

плохо, Ораз Онданович? Иль ты у меня не желанный гость? Иль государь тебя не милует?

Ораз насупился, сдвинул черные брови, глаза сузились. Годунов сам не понял, как вышло, что отшатнулся от степняка.

– Тебе, как сказал твой Кадыр-Али-бек, сейчас двадцать три года всего. А ты уже показал себя доблестным воеводой. Не твоя вина, что ты, служа хану Кучуму, к нам в плен попался. Иначе быть не могло, не мог ты один хану Кучуму целое войско заменить. Да и воевода Чулков сумел вас с Кадыр-Али и Сейтек-беком в ловушку заманить. Я сразу понял тебе цену, Ораз Онданович. Когда мы шведа воевали – кто, как не я, настоял поставить тебя во главе сторожевого полка. А кончил ты войну уже воеводой полка левой руки. Будут еще войны, явишь себя во всей красе. Над главным полком тебя поставлю, хочешь?

– Хочу за своих биться. Я нужен моему хану. Отпусти! За меня кого попросишь – в аманаты дадут, хоть ханских детей.

– Мне дети тебя не заменят. Прямо тебе скажу – не всякому народу дается такой владыка, как твой дядюшка Тауекель-хан. Но он желает все сразу – и пушек, и тебя. Эх, будь ты поговорчивее...

Ораз-Мухаммад промолчал. Он понял, о чем речь. Ему уже несколько раз предлагали покреститься, как это сделали многие татарские и ногайские юноши из лучших родов. Приняв крещение, он бы не знал отбоя от свах – все княжеские

и боярские дочери были бы готовы хоть завтра под венец.

– Моей Аксинье скоро тринадцать. Красавицей растет. Хочешь – покажу?

Ораз-Мухаммад вырос там, где степные красавицы не прятали своих лиц. Да и смешно девушке, которая чуть ли не с рождения садится в седло, кутать лицо – на полном скаку ветер любое покрывало сорвет. Живя в юрте, не станешь прятаться от людей – и ты всех увидишь, и тебя все увидят, и греха в том нет. Потому молодому степняку казался странным московский обычай держать в высоких теремах девиц на выданье, допуская к ним лишь близкую родню.

– Не хочу.

– Упрямя ты, царевич.

Разумеется, Годунов не собирался отдавать единственную и любимую дочь за киргиз-кайсака, или казаха, или кем уж он сам себя считает. Но поманить, но намекнуть-то следовало?

Меж тем воевода ему нравился. Черты лица хоть и непривычные, но приятные: гладкие щеки, короткий прямой нос, ухоженная бородка, а прищур узких глаз – такой прищур врагу страшен, а девкам, поди, даже может нравиться.

– У нас в Татарской слободе есть невесты хороших родов. Скажи – любую посватаю. Мне не откажут. Будет красивая жена одной с тобой веры.

– Отпусти, Борис Федорович.

– Не то убежишь?

Ораз-Мухаммад промолчал.

Годунов не мог понять, что значит для Ораз-Мухаммада грядущая весна. И не мог увидеть то, что сейчас предстало перед внутренним взором воеводы. А увидел Ораз-Мухаммад весеннюю степь. Красную благоухающую степь. Не от крови красную – от ярких цветов, именем кыз-галдак, в русском же языке еще и слова для них не было. Даже не проскакать на горячем туркменском скакуне по той степи, а просто молча глядеть, как волнуются под ветром цветы.

Он вспомнил, как цвела степь, когда он с матушкой и девушками своего рода ехал к соседям на свадебный той. Ему было не более шести лет – слишком мал, чтобы ехать с жигитами, и потому сопровождал матушку. Но он был достаточно взрослым, чтобы для него оседлали невысокого конька.

Матушка – в своем белоснежном кимешеке, украшенном тонкой вышивкой, в шапочке, расшитой жемчугом, кораллами, золотыми нитями! Каким молодым и красивым было ее лицо! Как великолепен был бирюзовый наряд, из-под которого виднелись узорные штаны-дамбал и изящные сапожки! И красавицы, горячившие коней, чтобы унести вперед и сразу же вернуться, – как они были веселы и хороши!

Ораз-Мухаммад вспоминал тех девушек, тех луноликих всадниц, – все они были прекрасны в своих лучших нарядах, в шапочках, украшенных совиными перьями. Они смеялись, а одна играла на шанкобызе – потом он, взяв у матушки ее шанкобыз, которым она ублаживала детей, попытался повто-

ритель тот напев – и не смог. И таких красавиц, кажется, он больше никогда не встречал.

И в их косы были вплетены подвески – шолпы и шашбау с маленькими серебряными колокольчиками. Нарядные, праздничные шашбау – их перезвон соединялся с напевом шанкобыза. И подвески девичьих ожерелий-алка тоже звенели на разный лад – у иных стукались друг о дружку подвески, у других трепетали колокольчики. Сколько радости было в перезвоне и в девичьем смехе...

Кыз-галдак! Дева-цветок! Все в воспоминаниях сплывилось воедино.

Он несколько раз спрашивал у матушки, Алтын-ханум, что это был за свадебный той, кто на ком женился. Она старалась вспомнить – и выходило, что не раз и не два ехала со своими женщинами и девушками на праздник через цветущую степь, но ощущение торжества красного цвета до самого окоема, красной степи и синего неба, в ее воспоминаниях отсутствовало.

Кадыр-Али-бек тоже ничего не знал. Может быть, в том мире, который он выстроил вокруг себя, были древние предания, были рукописи на арабском, персидском, тюркском языке, теперь – еще и на русском, был тот неожиданный набег калмыков на его родной аул, была смерть Ондан-султана, после которой он увез в безопасное место, к хану Кучуму, тринадцатилетнего Ораз-Мухаммада с женщинами его семьи и более в степь не возвращался...

Цветов кыз-галдак в мире старца уже не было – статочно, и никогда не было.

... Годунов ждал ответа и был готов произнести слова отказа. Даже если бы и родилось вдруг сочувствие – Годунов бы не дал ему воли. Слишком хорошо знал Ораз-Мухаммад, что делается в Москве и вокруг Москвы. Если сейчас Тауекель-хан попросит помощи в борьбе с Бухарой – значит ли это, что он, победив свою вожделенную Бухару, сохранит с Москвой дружество? Совершенно не значит. И потому киргиз-кайсацкого воеводу, от природы способного и хорошо обученного воевать, выпустить из Москвы в степь Годунов не мог.

А ведь была еще одна забота – калмыки.

Годунов все это время ждал – не заговорит ли молодой воевода о противостоянии киргиз-кайсаков и калмыков. Это был бы нелегкий разговор – невозможно разом подружиться с одними и поддерживать других. Но Ораз-Мухаммад был сейчас озабочен лишь собственной судьбой – а статочно, не ведал, что творится в его родных степях. Да и откуда бы ему знать?

Боярин не мог давать оружие тем, кто вдруг повернет его против калмыков. Хотя бы потому, что киргиз-кайсаки – довольно далеко, а калмыки – ближе. И ссориться с ними не с руки.

И давать оружие огневого боя вообще никому из степняков нельзя. Оно должно принадлежать лишь московским во-

еводам. Иначе с этими ордынцами никакого сладу не будет.

– Ораз Онданович, я вижу – ты недоволен. Вот прими ради дружества и не сердчай на меня. – Годунов стянул с пальца перстень и положил на шахматный столик. – И подожди, Бога ради. Может, все еще переменится. Может, когда станешь у нас воеводой большого полка, у кого под началом тридцать тысяч человек, все переменится – и я смогу отпустить тебя. Сейчас же – прости, не могу. Все проси – невесту с приданным, золото, лучшее место при государе...

– Все, кроме воли?

– Ораз Онданович, гляди – мой ферзь твоей ладье угрожает. Соберись с духом, заверши игру, – строго сказал Годунов.

И молодой воевода, вздохнув так, что это более напоминало змеиный шип сквозь зубы, увел ладью на другую линию. Но игра у него не ладилась, и боярин наконец сбил фигурки с шахматного поля.

– Боярыня моя приготовила тебе подарок. – Он взял с аналоя шелковый мешочек, протянул, и это означало, что беседа завершилась. – Всегда я тебе рад, вскоре увидимся – когда посольство будет звано представиться государю и на пир. И потом – когда я посла с присными у себя принимать буду. Коли хочешь, приготовь ему дары. А что он тебе дары привез – в том я не сомневаюсь.

– Благодарствую.

– Перстень не забудь, воевода.

Ораз-Мухаммад молча надел дорогой перстень на палец, а мешочек из китайского шелка сунул было за пазуху, но рубаха из самого тонкого холста не желала туда пролезть. Годунов невольно залюбовался тонким стройным станом воеводы, на котором замшевый бешмет сидел туго, как перстятые рукавицы на руках боярыни-щеголихи.

Потом воевода подошел к лавке, на которую поставил свою великолепную лисью шапку, с поклоном взял ее и надел на голову торжественно, как будто сам себя короновал.

Он умел держать себя в руках – обида на лице не отразилась. И боярин снова подумал: нельзя отдавать этого человека хану Тауекелю, самим нужен.

– Здрав будь, боярин, – хмуро сказал Ораз-Мухаммад, повернулся и вышел.

– Бог в помощь, воевода! – произнес вслед Годунов.

Суконная завеса двери, откинута воеводой, колыхнулась и замерла.

– Ишь, недоволен... – пробормотал Годунов и, подождав малость, вышел в сени. Ораз-Мухаммада там уже не было.

Челядинцы повскакали с лавок. Косточки зерни покатились на пол.

– Олеша, вели заложить возника в санки и живо доставь мне Якушку, – сказал Борис Федорович. – Да не явно, а с черного крыльца. Да выманивай его поосторожнее. Чтобы – был человек, и вдруг нет человека. Как корова языком слизала.

– И то будет исполнено, – с поклоном ответил челядинец Олеша.

Якушка был крещеный татарин, которого Годунов ловко определил в семейство Ораз-Мухаммада. Хотя упрямый степняк предпочитал жить в юрте, но женщины его рода сообразили, сколь хороша изразцовая печь, да и к мыльне очень быстро привыкли. Мыльня холодной зимой – радость. Степнячки ею забавлялись и тешились – мыли друг дружке длинные черные косы, полоскали в травных отварах, потом сидели в тепле, в одних рубахах, сушили волосы и лакомились московскими заедками. А печи и мыльню кто-то же должен топить.

Был Якушка из казанского полона, привезен на Москву мальцом лет пяти, с родней, крещен Яковом, но свое татарское имя, Якуб, помнил и при нужде, по приказу Годунова, пускал в ход. Сошлись они вот как: Якушкин отец Юсуф, в крещении Федот, сумел угодить дядюшке Дмитрию Ивановичу, обрел покровителя, сына же Юсуфова Годунов-старший пристроил в Постельный приказ истопником; Годунов-младший старался держаться за дядюшку, в Постельном приказе бывал часто, а поскольку в грамоте был не силен, Якушка-Якуб охотно передавал на словах весточки от племянника дяде и от дяди племяннику. Он выучился говорить по-русски и ни разу не оплошал. Затем, когда царь решил женить юного Бориса Федоровича на Марье Скуратовой, Годунов-младший, предвидя свое возвышение, сам стал

прикармливать Якушку и даже способствовал его женитьбе на татарской девице хорошего рода, также крещеной. Вскоре после того, как царевич Федор повенчался на Ирине Годуновой, Борис Федорович и вовсе забрал Якушку к себе, но не явно, а тайно, ему был необходим человек, хорошо принятый и в Татарской, и в Толмачевской слободе, что была поблизости. Когда же стало ясно, что привезенный из Сибири пленник – истинный воевода, Годунов отправил Якушку исполнять привычную ему должность на двор к Ораз-Мухаммаду да велел держать ухо востро. Там Якушка наловчился понимать и говорить на языке киргиз-кайсаков, который был татарскому вроде брата. Именно эта его способность сейчас потребовалась боярину.

Пока Олеша ездил за Якушкой, замысел созрел окончательно.

– Здравствуй, входи, садись, – сказал Борис Федорович своему лазутчику. – Да садись ты, потолкуем по-свойски. Не первый день, чай, знакомы. Угощайся.

Ораз-Мухаммад почти не прикоснулся к заедкам, только выпил кружку сбитня. Возможно, у его народа это что-то означало.

– Благодарствую, – сказал татарин, быстро перекрестившись на образ Николы-угодника в углу горницы.

– Смокву возьми, пастилу. У нас – свое, не купленное.

Отказать – значило бы обидеть боярина, и Якушка взял свернутый в трубочку пласт сливовой смоквы, откусил и

всем видом дал понять: лакомство отменное.

– Дельце есть. Справишься – дам знатное приданое дочке. Ты знаешь, я не скуп.

– Говори, боярин, – ответил Якушка.

Он был невысок, плотного сложения, одет на татарский лад, а крест-тельник не на гайтане носил, а зашитым в бешмет – так велел боярин, обещав, что сам все растолкует попу, к которому Якушка, втайне от Ораз-Мухаммада, в Великий пост пойдет на исповедь.

– Пойдешь на Крымский двор, где скоро поселится киргиз-кайсацкое посольство. Придумай сам, какой товарец для начала потащишь им на продажу. Я велел, чтобы ни купчишек туда не пускали, ни посольских со двора не выпускали, вся торговля будет вестись у ворот. Сойдись там с молодцами, товарец за бесценок отдай, потихоньку обещаю Москву показать. Они тебе скажут: их-де стерегут. А ты им: свой человек и выпустит, и обратно на Крымский двор пустит. Я же прикажу, чтобы тебе ни в чем препоны не было. Там у меня стрелецкие караулы вдоль забора уже шатаются, но дырка непременно есть, не может такого быть, чтобы забор без дырки. Калитка уж точно есть. Сегодня вечером должен прибежать стрелец, рассказать, что там да как. Я же покажу ему тайный знак, чтобы и товарищам передал, пусть бы тебя по этому знаку пускали и выпускали.

– Что за знак?

– А вот.

Боярин взял с аналоя красивые янтарные четки.

– Четки и у христиан есть, и у людей магометанской веры, – добавил он. – На, спрячь. Как условишься с гостями, более уж к воротам не ходи, а только в калитку. На Крымском дворе пробивайся не к самому послу, а к тем, кто ближе к нему. Посол тоже сгодится, но, сдастся мне, побоится что-то затевать. Обещай им любые товары, любую помощь. Действуй так, чтобы киргиз-кайсаки вскоре уразумели – ты человек не простой. Когда о тебе донесут их Кул-Мухаммаду либо, что лучше, еще кому из свиты, тот человек тебя призовет к ответу. И ты скажешь: есть-де на Москве знатный человек, который ищет дружества, а иного пути не находит. Имени не называй. Только намекни, что за услуги хорошо платит. И коли явится, что гости дорогие не прочь с тем знатным человеком сойтись, придешь ко мне и обо всем доложишь. Потом через тебя передам тому, кто готов мне послужить, дар. Да все разговоры слушай, особливо же про нашего киргиз-кайсацкого воеводу. Как знать – не задумают ли выкрасть.

– Как скажешь, боярин, все будет исполнено, – обещал Якушка.

– Про воеводу ты все не хуже моего знаешь. Может, захотят через тебя ему грамотку передать, так ты бери.

– Возьму.

– И ежели кто-то из наших, московских, с ними сговориться попытается, тут же доложи.

– Доложу, боярин. А как быть с воеводой? Он ведь, поди, искать меня станет.

– Скажись больным. Растолкуй ему – в спину вступило, будешь жить у костоправа, он тебе в мыльне станет спину править, а после мыльни и такой правки лежать надобно, не по Москве шастать.

Якушка усмехнулся.

– Знак нужен, – сказал татарин. – Коли случится мне при-
слать к тебе, боярин, человека, чтобы на словах передал...

– Знак? – Годунов обвел комнату взглядом, взгляд заце-
пился за книгу на аналое. – Пусть скажет: он-де принес на
продажу старую книгу, книгу... Хм, книгу...

Тут он вспомнил: недавно дочери, Аксиньюшке, купили
«Златоструй», поучения Иоанна Златоуста, и дочь обещала
вслух его батюшке с матушкой почитать.

– «Златоструй»! Запомнил?

– «Златоструй», – повторил Якушка.

– Ну, теперь, кажись, все. Ступай.

Глава 2. Мастер Кит

Всякий, увидев это здание на Варварке, сразу бы сказал: предназначено для торговых дел. Хотя вокруг небольшой сад, яблони да вишни, но какой же двор на Москве без сада? Разве что Земский двор, так там вместо сада съезжая, а вместо яблонь – поднятые на улицах покойнички, которых свозят со всей Москвы для опознания.

Никаких у тех палат излишеств, окошки малы, нарядного крыльца нет, а стены даже на вид изумительной толщины. Таким стенам пожар не страшен. Весной и осенью, в пору распутицы, здание имеет угрюмый вид, а летом и зимой вокруг – суета: зимой подъезжают сани с товаром, летом же – телеги, крепкие мужики вносят и выносят мешки, бочата и лубяные короба, у дверей стоят приказчики, ведут счет товару. Но околачиваться возле, надеясь что-то стащить, бесполезно: хозяева не первый год ведут дела на Москве и при необходимости сразу пускают в ход и кулаки, и палки, и что подвернется под руку. Жаловаться бесполезно: ранее этих людей привечал сам покойный государь, с ним тягаться – прямая дорога на тот свет, теперь же они поладили со всевластным боярином Борисом Годуновым. Вот так-то станешь на них просить – а потом такие твои давние грехи тебе припомнят, что сам будешь не рад.

Соседей у тех торговых людей мало – одни Божьи храмы

кругом. Храмами Варварка славится. Тут тебе и Борисоглебская церковь, и церковь Святой Варвары, и церковь Жен-мироносиц. Все имеется для спасения души – а как ее спасают английские купцы, никто не знает.

В Зарядье уже перестали удивляться – бывает, летом выходят из палат люди, одетые диковинно, в широких портках, не достающих до колена, в чулках, обтягивающих ногу так, что бабам и глядеть срамно, в коротких епанечках, но чаще бывает – одетые на московский лад. Особливо зимой – в крещенские холода по Москве в чулочках не побегаешь.

Эти палаты после смерти их владельца, постельничего Бобрищева, за неимением наследника перешли под государеву руку, и государь отдал их английским купцам, но не простым – они объединились в «Московскую компанию», потому что вместе сподручнее вести дела с далекой страной. В бывших Бобрищевых палатах есть где хранить товары, есть где принимать почтенных гостей, а еще одно преимущество здания на Варварке – Кремль неподалеку. Пробежать по Варварке, обойти храм Покрова Богородицы, что на Рву, стоящий снизу доверху в лесах, – и тут тебе сразу Флоровская башня, при ней ворота. А в Кремле – все приказы, кроме разве Земского двора, всех нужных особ можно встретить.

Но от старых Бобрищевых палат, которые стали звать Английским двором, остались лишь каменные подклеты, сложенные из крупных белокаменных плит, двух аршин толщи-

ной, остальное англичанам пришлось строить заново – более двадцати лет назад неугомонный крымский хан Девлет-Гирей со своими крымцами дошел до Москвы и сжег ее, не только терема и сады пострадали, но и каменные палаты. Могло быть хуже – поскольку покойный царь незадолго до того желал и не смог заключить выгодный для себя союз с Англией, все торговые дела были приостановлены на два года и товаров на Английском дворе обреталось немного.

Однако сейчас крымцы сидят смиренно – после того, как русские воеводы прогнали с позором очередного охотника пограбить столицу и увести полон, хана Казы-Гирея. И Английский двор достаточно просторен, чтобы и в подвале, и на чердаке хранить многие купленные в Москве и ждущие отправки в Лондон товары: выделанные кожи, пушнину, конский волос, свиную щетину, гусиный пух. Там же были доставленные морем в Холмогоры, а оттуда водой в Вологду, а из Вологды уж на санях либо на телегах привезенные английские товары: от ограненных драгоценных камней до оружия.

Вечерело, смеркалось, наступала пора зажигать свечи. В Казенной палате Английского двора до сих пор почти все были заняты делом. Истопник, стоя на коленях перед изразцовой печью, закладывал туда поленья. За длинным столом сидели писцы-англичане, уже лет по двадцать жившие на Москве, и вполголоса сверяли записи в толстых книгах, сшитых толстыми шнурами. При них было несколько купцов, ведущих тихие деловые разговоры. Парнишка расставлял под-

свечники, прибирал опустевшие площадки, в которых обычно писцы и приказчики Английского двора держали орешки, приносил новые – до ужина еще было немало времени, требовалось подкрепить силы.

Под окном пожилой писец, сидя за небольшим столиком, писал под диктовку письмо. Диктовал мужчина, годами – чуть за сорок, одетый на русский лад, в нарядную голубую рубаху по колено и шелковый полосатый зипун. Его трудно было отличить от коренного москвича – разве что борода имела более ухоженный вид да светлые волосы подстрижены не на Торгу, где сажают человека на чурбан, надевают ему на голову горшок и срезают все, что торчит, так что на земле образуется кошма из разномастной волосни. Человек с такой безупречной прической мог бы достойно выглядеть и при королевском дворе.

Он единственный, за исключением двоих писцов и купца-москвича, был одет по-русски, причем одет богато, и чувствовал себя в зипуне и казанской работы пестрых сапогах превосходно – да и удивляться нечему, его на Москву привез отец еще десятилетним, и по-русски он объяснялся лучше иного купчишки, прибывшего из тех северных краев либо сибирских украин, где в лесу родились, пню молились.

А бездельничал в Казенной палате один человек, мужчина тридцати лет от роду, с приметным шрамом на красивом лице – пересекавшим правую бровь и задевавшим висок. У него у одного рыжеватые пушистые волосы были такой дли-

ны, что почти достигали плеч. И он слонялся по палате, явно не зная, чем себя занять. Висевшие на стене раскрашенные карты Московского царства с прилегающими землями он уже изучил вдоль и поперек. Жители тех земель имели своих князьков, но границ не соблюдали и названий своим землям не давали – в самом деле, на что им это? Особливо ежели племена кочевые и гоняют скот с летовки на зимовку и обратно чуть ли не за полтысячи верст.

На стуле стояла прислоненная к спинке лютня, еле удерживавшая равновесие. Скучающий человек протянул было к ней руку, но передумал.

– Скорее бы ужин, – сказал он по-английски. – Хоть такое развлечение, раз других нет. Дикая страна! Как можно читать такие книги? С такими страшными буквами?

Он указал на толстую книжищу в мрачном кожаном переплете с тусклой медной застежкой.

– Ничем не могу помочь, мастер Кит. Других книг у них пока не имеется. Сядь, не мелькай, не мешай нашим людям работать, – по-английски же ответил мужчина в зипуне. – И до ужина прочитай хотя бы две страницы.

– Безумная страна. И безумный город, где знают только церковь и нет ни одного театра. Я не могу это читать, я половины слов не понимаю!

– Куда ты дел тетрадку с русскими словами? И не мешай мне, я должен сосредоточиться.

Меченный шрамом мужчина расстегнул застежку и от-

крыл книгу наугад.

– «Но послушайте, братие, со всяцем прилежанием, исполнено бо есть пользы слово се всем слушающему. Молю же вы, о возлюбленные, да не зазрите паки грубости моей...» – прочитал он по-русски так, как читает дитя, едва освоившее склады. – О Господи, я сойду с ума, пока дочитаю хотя бы одну историю из жизни здешних святых.

– Сойдешь с ума – первым же судном отправим в Лондон, в госпиталь Марии Вифлеемской, будешь там сидеть на цепи с прочими безумцами. Не мешай, мастер Кит.

Мужчина вздохнул.

– Я думал, здесь придется заниматься делом. Но дела для меня тут нет. Мне остается только сесть с лютней на площади, возле того варварского храма, рядом с нищими, и наигрывать песенки, чтобы собрать себе на пропитание.

Ответа он не дождался.

– Мистер Меррик, у нас сошлось, – подал голос один из приказчиков, невысокий и плечистый молодой человек с истинно московской бородой, окладистой и довольно длинной. – Могу я идти домой?

Мастер Кит, глядя на него, всякий раз думал: пожалуй, стоит опять отрастить такую же, чтобы лицо не мерзло. Пока он был всего лишь две недели небрит. Щетина на щеках раздражала и злила его, он не мог долго ее терпеть. Но, сбрив, вспоминал, что здесь, в безумном городе, тысячи церквей, нужно быть бородатым. Молодежь, служившая в кремлев-

ских приказах, порой брила лица на польский лад, оставляя усы, но, женившись, всякий обзаводился бородой. И тут, как однажды объяснил мастеру Киту Меррик, случилось расстройство: ежели у человека в жилах течет татарская кровь, то борода у него вырастает не такая, какой можно было бы гордиться; бояре – те выхваляются бородами, лежащими на груди чуть ли не до пояса. Но такое сокровище следует беречь – при ссоре и склоке здешние вельможи не за шпаги хватаются, они и слова такого не знают, а визжат, громко ругаются и друг дружке в бороды плюют, что есть прямое бесчестье. Могут и вцепиться.

Такие дикарские нравы сильно мастера Кита озадачивали – ему казалось, что эти люди должны вести себя с достоинством, и он думал, что свита Тамерлана, о котором он сочинил знаменитую трагедию, скорее всего, вела себя не лучше московских бояр.

– Ступай... – Меррик задумался. – Ступай, Дик, и возвращайся с женой. Она мне нужна.

– Когда, мистер Меррик?

– Когда зазвонят колокола.

– Так это уж скоро, – заметил Дик. – Я не успею и куска хлеба съесть.

– Успеешь, добрый Дик. Когда исполните поручение и вернетесь, сразу же отправитесь на поварню, я прикажу оставить для вас ужин. Сегодня готовят курицу с яйцами под шафрановой подливкой.

– Как дома... – прошептал пожилой писец.

– Так я иду, мистер Меррик? – спросил Дик. – Только оденуть потеплее.

– Не надо, ты не успеешь замерзнуть. Тут бежать, туда и обратно, менее пяти минут.

Дик Хиггинс родился в Москве, жил в Зарядье, поблизости от Английского двора, и туда же привел жену Татьяну, дочь купца Салтыкова, имевшего лавки на Красной площади и продававшего там кое-какие английские товары. Замужество это было выгодно всем: отцу Татьяны, обретшему себе покровителя и товары по хорошей цене, Дику – потому что негоже быть человеку без своей женщины, и, конечно, Джону Меррику – агенту «Московской компании» в Москве, возглавлявшему Английский двор. Татьяна оказалась ловкой и шустрой женщиной, охотно выполняла небольшие поручения, а поскольку считать умела, писать же – нет, приспособилась все, что надобно, запоминать.

Когда Дик ушел, Меррик повернулся к Киту.

– Пойдешь с ними.

– Куда?

– В Кремль, в церковь.

– О мой Бог...

Кит возвел взор к потолку.

– Ступай одевайся. И потеплее. Дик – здешний, он к морозу привык, а ты как раз подхватишь лихорадку.

– Безумный город. Город, в котором нет ни одного теат-

ра...

– Мастер Кит, если бы театр был, а ты в нем поставил своего «Тамерлана», то благодарные жители, которые натерпелись от крымских ханов, сожгли бы твой театр, а тебя выкинули в реку с наказом плыть к своему Тамерлану да не возвращаться.

Мастер Кит подошел к карте и пальцем провел по Москве-реке и дальше, наугад, к Каспийскому морю.

– Персия – вот она. А где же были скифы?

– Собирайся. Иначе я с первым же судном отправлю тебя обратно, а мастеру Арчи скажу, чтобы впредь мне таких помощников не привозил. Конечно, я понимаю, что он желал послужить компании. Но он плохо понял, с кем имеет дело.

– А я был в таком состоянии, что даже не мог сопротивляться. Два раза подряд – и когда дядюшка Энтони грузил меня, словно мешок с овсом, на «Минерву», и потом, в том городе с варварским названием.

– Твоему дядюшке следовало посадить тебя в первом же порту, даже с риском задержаться на несколько дней. Должно быть, он так испугался злобы архиепископа Кентерберийского, что готов был плыть без остановок до самой Гипербореи... На карте ее нет, но где-то же она была... Мало ли, что понадобилось спешно спасти тебя от тюрьмы и даже казни! Пускать в дело голову тоже бывает полезно. Вот и спасался бы ты где-нибудь во Франции... там бы тебя прекрасно приняли...

Мастер Кит понял намек – намек был весьма ядовит. Покойный французский король любил красивых мальчиков, среди его придворных такая любовь была обычным делом, а мастер Кит – красавчик, и слухи, что ходили о его похождениях в Лондоне, долетели даже до Москвы.

– Я сам хотел во Францию, мистер Меррик! – ответил он высокомерно. – Мне там было хорошо, хотя я и рисковал ежедневно – на службе у ее величества королевы. Я думал, что сойду на берег в Дании, а оттуда как-нибудь проберусь. Но морская буря не позволила нам причалить – и я отправился дальше поневоле. В городе с нелепым названием я полагал дождаться, пока дядюшка нагрузит судно товаром и повезет обратно. Но черт дернул меня попасть на матросскую пьянку и напиться как медник. Там я наговорил о себе столько лишнего, что мистер Арчи сообразил, какая от меня возможна польза, и меня бесчувственного уложили в трюм судна и водой повезли в Москву. Кажется, я клялся, что спас от католических заговорщиков нашу королеву, да хранит ее Господь, и будущего французского короля, и всех его любовниц.

– Ты похвалялся уважением самого сэра Фрэнсиса Уолсингема. А о нем даже мы, сидя в Московии, знаем. Вيني во всем свой длинный язык, мастер Кит!

– Теперь я его виню, а что толку? Я пришел в себя, но судно уже утащили на Бог весть сколько верст вверх по течению. Я хотел было бежать, пробраться к дядюшке, который

наверняка разослал по всем переулкам команду «Минервы», чтобы найти меня! Клянусь, я не хотел в Москву! Но судно тащится со скоростью две мили в час, кругом – одни леса, и реки петляют между ними, так что перестаешь понимать, где север, а где юг.

– Польза от тебя будет, – жестко ответил Меррик. – Я об этом позабочусь. Ты тут уже кое-как освоился и даже заговорил по-русски. Или поедешь домой, связанный по рукам и ногам, и прямо из порта будешь доставлен в Тайный совет, который на радостях соберется на заседание в полном составе и пригласит твоего лучшего друга – архиепископа Кентерберийского. Я знаю, какие бумаги нашли у тебя при обыске. Ступай.

Мастер Кит пожал плечами.

– Поэт вынужден подчиниться торгашу, – сказал он и вышел из Казенной палаты. В закутке возле поварни труженики «Московской компании» оставляли обычно одежду. Там была и его шуба с сапогами, и шапка висела на крючке – войлочный колпак, отороченный мехом. Под шубой на другом крючке висели суконные порты, а в рукав были засунуты меховые рукавицы.

Когда мастер Кит, неторопливо одевшись, вернулся в палату, туда как раз входили Дик и Татьяна. Татьяна в пояс поклонилась Меррику, а он приветствовал ее коротким поклоном и улыбкой. Эта невысокая круглолицая женщина, от природы румяная, всегда готовая рассмеяться, ему нрави-

лась. Хотя то, как она, выходя в люди, раскрашивала свое лицо, вызывало у него недоумение. К румянцу добавляла, кажется, свекольного сока, брови подводила угольком из печки, а также злоупотребляла испанскими белилами, которые Дик потихоньку таскал для нее со склада, очень ловко заметая следы. Он в этом отношении уже мог считаться русским человеком – русские одобряли, когда их жены самым варварским способом рисовали себе новые лица.

– Пойдете к вечерней службе в Успенский собор, – сказал Меррик. – Там ты, моя красавица, отыщешь свою старуху. Узнай, что в доме господина Годунова говорили о посольстве киргиз-кайсаков. Это те дикари, Дик, что поселились на Крымском дворе. Она, может, ничего не знает, а может и такое быть, что подслушивала по своему обыкновению и мало поняла. Мне нужно побольше узнать про Крымский двор. Чтобы у нее развязался язык, дай ей двадцать копеек, заупрямится – добавь еще. Мне очень важно это знать.

Старуха, которую звали Степанидой Прокопьевной, была приобретением Татьяны, и ценным приобретением. Для такой старухи и двадцати копеек не жалко.

Хотя отношения между боярином Годуновым и Английским двором складывались прекрасно (это обходилось Меррику в немалые деньги, потому что не пойдешь же к боярину с пустыми руками, надобно поклониться хоть ящиком дорогого испанского мыла, хоть большим, в высоту не менее аршина, зеркалом, хоть низкой редкого «золотого» жемчуга

из южных морей – утехами для боярыни и боярышни), но осторожность необходима. Поскольку боярин Годунов – такая особа, что знать о его замыслах и хитростях необходимо, сам же про них не расскажет.

Потому-то, когда были частично построены кремлевские палаты Годунова и семейство перебралось туда, Меррик отправил Татьяну по церквям, близким к палатам, чтобы свести знакомство с женщинами и девицами, служившими боярину. Не все же они Богу молятся в домово́й церкви, им хочется людей посмотреть и себя показать. Для того отпрашиваются в кремлевские церкви.

Годуновские хоромы были поставлены очень удачно – с выходом на Соборную площадь. Тут тебе и Успенский собор, где еще великий князь Иван Васильевич, третий сего имени, разорвал ханскую грамоту в знак того, что более Золотой Орде не подвластен, и Благовещенский собор, и Архангельский собор, и храм Ризположения, есть из чего выбирать. И Татьяна, временно отложив попечение о домашних делах, принялась обходить соборы с таким усердием, будто невесть какой грех замаливала. Правда, эти богомольные походы Мерриком хорошо вознаградились.

Вскоре после того, как поручение было дадено, Татьяна после утренней службы задержалась в Успенском храме, чтобы понаставить свечек ко всем чтимым образам. Обходя невеликий храм, она обнаружила в темном углу старуху, которая, стоя на коленях, усердно молилась вполголоса и пла-

кала. Татьяна склонилась к ней и принялась утешать без всякой задней мысли, а просто по доброте душевной. И старуха ей покаялась: молила Господа покарать свою врагиню, что, конечно же, великий грех, да ведь и сил терпеть больше нет, и деваться некуда. Слово за слово – врагиня-то оказалась боярыней Годуновой...

Там, где в теремах при боярыне или княгине крутится десятка два женщин, непременно возникают склоки и свары. Степанида Прокопьевна в годы своего торжества ведала тряпичной казней Марьи Григорьевны и очень тем гордилась; должность эта была предметом зависти. И казначея боярыни составила целый заговор, чтобы заместить Степаниду Прокопьевну своей овдовевшей племянницей. Было тут и воровство из сундука узелков со спорками, и распускание слухов. Марья Григорьевна простила бы Степаниду Прокопьевну, но старуха, уверенная в своей незаменимости, подняла шум, всем наговорила горьких истин и оказалась не у дел. Со двора ее не согнали, но жила она в годуновских палатах из милости, и это ей было как ножом по сердцу. Детей у нее не осталось – померли в младенчестве, в девичью обитель уйти – так здоровье не позволит соблюдать строгий монастырский устав.

Татьяна приголубила старуху, предложила ей перебираться в Зарядье, в скромный домишко, где ее присмотрят до самой кончины, благо денежки прикоплены. Но та уперлась: ей непременно нужно было видеть своими глазами, как Гос-

подь покарает боярыню Годунову, не зловредную казначею с племянницей, а именно боярыню, допустившую величайшую на свете несправедливость.

Меррик сказал, что эту женщину следует приручить и прикормить. Татьяне не составило большого труда уговорить старуху, чтобы та передавала ей, о чем толкуют в тереме годуновских палат. И вот сейчас Дик, Татьяна и мастер Кит отправлялись на службу в Успенский собор. Татьяна сразу же протиснулась налево, где стояли женщины, а Дик и мастер Кит пошли направо, на мужскую половину.

Дик с детства разбирался в службе, даже крестился на русский лад, даже вместе с прочими мужчинами клал земные поклоны, а вот мастер Кит даже не пытался. Образа на стенах казались ему слишком хмурыми или же грозными, речи священников – вовсе неразборчивыми. Он стал думать о своем – о театре, оставшемся в Лондоне, о трагедиях и хрониках, о необходимости переписать «Тамерлана». Первая часть пользовалась у публики таким успехом, что он написал вторую и там прикончил Тамерлана – не то пришлось бы писать и третью. Он был горд! Но сейчас он пытался беззвучно произнести монологи – и оказалось, что они не запомнились; сейчас он осознал тяжеловесность этих монологов, во внутреннем театре они звучали куда хуже, чем в театре настоящем, где по сцене расхаживал великолепный Тамерлан в сверкающих причудливых доспехах и короне.

К тому же мастер Кит встречал в Москве и казанских та-

тар, и ногайских татар, и астраханских татар, по его разумению – потомков тех скифов, из которых происходил его Тамерлан. Выводить их в их природном виде на сцену лондонского театра было бы странно – они совершенно не походили на трагических героев. Но и наблюдать за ними человеку, пишущему пьесы, было полезно. Ведь помрет же когда-нибудь архиепископ Кентерберийский, главный враг бесстрашного сочинителя. Этому злодею немного за пятьдесят, лет десять он еще проживет, и хорошо бы дождаться его кончины где-нибудь во Франции или в Нидерландах. А королева Бесс, которую мастер Кит втайне уважал за причудливый и несгибаемый нрав, его не обидит, и можно будет вернуться туда, где образованные люди по вечерам в гостиных читают друг другу прекрасные сонеты.

Мастер Кит стоял и думал о своем, а служба шла, сизый дым ладана то приплывал, то уплывал, мужчины разом опускались на колени и разом вставали, приходилось следовать их примеру. Он прямо всем телом ощущал, как мимо проплывает и исчезает вдали время, его время, ему же остается нечто вроде дуновения ветра...

Служба окончилась, мужчины заговорили, потянулись к дверям, вышел на площадь и мастер Кит. Там он отошел в сторонку, высматривая Дика и его супругу. Было совершенно непонятно, на что потрачено столько времени. И он был зол на Меррика, который тешил свою спесь, не иначе, давая такие бесполезные приказания.

– Мастер Кит, – сказал, беззвучно подойдя, Дик. – Нам нужно незаметно привести старуху к хозяину. Ты знаешь, как это делается?

Мастер Кит понял: там такие сведения, что Татьяна боится по дороге половину забыть, а другую – перевернуть.

– Пусть твоя жена ведет ее. Мы пойдем сзади, поодиночке. Если увидим, что за старухой кто-то увязался, сумеем отвлечь.

– Как?

– С мужчиной можно ссору затеять. К женщине привязаться с ласковыми словами. А если стара, как Кумская сивилла, то притвориться, будто узнал в ней родственницу. Назвать по имени, начать припоминать родню. Она будет возражать, так того-то нам и нужно. Пока будет с нами спорить, твоя жена уведет старуху. Да только не сразу к нам на двор. Пусть обойдет сад и подождет у калитки. А ты побежишь вперед, чтобы отворить калитку.

Все было очень просто. Выполняя поручения сэра Фрэнсиса Уолсингема в Шотландии и во Франции, мастер Кит и не такие шахматные партии разыгрывал. Это его развлекало – прямо у него на глазах рождались сцены комедии или же трагедии, смотря с какой стороны посмотреть. Причем тогда он чаще всего действовал в одиночку. А противостояли ему чаще всего хитрые фанатики ордена Иисуса, который, казалось бы, самый молодой из католических орденов, а как разросся, каких молодых и отважных адептов призвал под свои

знамена! Его девиз мастер Кит навеки запомнил – «In hoc signo vinces», «Во имя этого знамени победишь». Орден отчаянно рвался к власти, натравливая всех, кого только мог, на нестигаемую королеву Бесс. Но были люди, служившие ей незримо, хитростью и шпагой, и мастер Кит даже гордился этим служением.

Он многое умел и понимал, что именно для таких дел его привезли из Холмогор в Москву и сдали с рук на руки Меррику. Но мастер Кит был зол на того, кто его насильно притащил в этот дикий город, даже не разговаривал с Арчи, и недоволен тем, что Меррик мало с ним считался.

Старуху удалось без приключений доставить на Английский двор. И там она рассказала все, что удалось подслушать.

Началось с того, что одна из девок боярыниной светлицы завершила многоцветную вышивку шелками, а потом куски собрали, сшили, и получилась дивной красоты сорочка. Сама боярыня хвалила Марфицу, подарила ей серьги-«лапки», каких боярышня Аксинья уже не носила, и обещала отдать за муж за кучера Авдея. Все толковали, что такую сорочку хоть самому государю дарить впору. Ее красиво уложили в шелковый мешочек, также вышитый, и держали на видном месте. Вдруг боярыня велела молодому истопнику Федьке отнести мешочек в покои боярина. Девкам стало любопытно: для кого? Степаниде Прокопьевне также стало любопытно: что за знатный гость пожаловал?

Она втихомолку покровительствовала рукодельнице Мар-

фице, обещая отказать ей после смерти все свои имущества. Та свою выгоду понимала. Поэтому Марфица, отправившись подслушивать и подсматривать, позвала ее с собой. Они прокрались через боярынины покои и спустились по той самой лестнице, по которой Марья Григорьевна ходила к мужу, когда он ее звал. Они уже давно не спали в одной постели, но встречались то в его, то в ее опочивальне.

Так Степанида Прокопьевна и услышала разговор с молодым степняком.

Потом она, понимая, что за такие сведения Татьяна заплатит, стала думать, как бы встретиться, и вдруг сделалась до того богомольна, что чуть ли не на весь день уходила в Успенский собор и мерзла там, выстаивая долгие службы. Наконец несколько дней спустя Татьяна ее отыскала.

Говорила старуха бессвязно, перескакивала с пятого на десятое, но Меррик сперва успокоил ее целыми пятью алтынами, потом стал спокойно задавать вопросы. Он примерно таких сведений из годуновских палат и ждал, только не думал, что горячий Ораз-Мухаммад сам кинется уговаривать всевластного боярина.

Потом Меррик отправил старуху с Татьяной и Диком, чтобы скоренько довели, а точнее сказать – подхватив под локотки, донесли до заднего двора годуновских палат, чтобы, поскользнувшись, не грохнулась. Нужно было торопиться, покамест еще в последней из церквей не завершилась служба и кремлевские ворота открыты.

Словесных хитросплетений Годунова старуха, конечно, не поняла. Не поняла, но запомнила. И сумела передать главное – боярин будет ласков, благодушен, приготовит дары, но получивший дары уйдет от него, в сущности, ни с чем.

– Ну что же, мастер Кит, грядут любопытные события, – сказал Меррик. – По всему выходит, что киргиз-кайсацкое посольство прибыло сюда зря. Господин Годунов решил не жертвовать союзом с калмыцкой ордой. Ораз-Мухаммада боярин тоже ни за что не отпустит. Так что – ни пищалей, ни воеводы... А возвращаться с пустыми руками к своему повелителю Кул-Мухаммад не захочет. Он что-то предпримет... Может быть, мастер Кит, мы могли бы дать ему хороший совет.

Мастер Кит насторожился. Вот тут его способности быгодились...

– Боярин Годунов наверняка бросит киргиз-кайсакам подачку, – предположил он. – Политическую подачку, чтобы показать им, как он высоко их ценит.

– Да. Насколько я могу судить, они увезут с собой кого-то из Посольского приказа, чтобы представлял в киргиз-кайсацкой орде государеву особу. Это похоже на политический союз. Но от политики мало толку, если ее не подпирает со всех сторон коммерция.

Мастер Кит улыбнулся – похоже, на сцену этого театра сейчас выйдет «Московская компания».

– И тут сама судьба открывает нам дверь, хоть и не нарас-

пашку, – продолжал Меррик.

Он подошел к одной из настенных карт. Мастер Кит – также. Писцы, уходя, погасили свечи, горели только две на маленьком столе, и карты казались в полумраке свернувшимися чудовищами, возможно, разноцветными драконами.

– В ближайшие дни Кул-Мухаммад поймет, что все поручения Тауекель-хана он выполнить не сможет. Мы, друг мой Кит, бессильны вернуть киргиз-кайсакам воеводу. Хотелось бы знать, чем мы можем быть полезны Тауекель-хану... Чем мы можем соблазнить его, чтобы дать ему хороший совет, а он этот совет принял...

– Тем самым, чем Горсей сумел угодить покойному царю, – прямо сказал мастер Кит.

– Да, оружие и порох. То, чего никогда не даст лорд-протектор Годунов.

Меррик провел пальцем по карте с запада на восток и далее – по стене, туда, где был бы предполагаемый Китай.

Мастер Кит понял.

«Московской компании» был необходим путь на Восток. Она уже предлагала покойному царю открыть торговый путь через Бухару в Китай, вернее, требовалось разрешение на половину пути, потому что из Бухары в Поднебесную, как считалось, ходили караваны. Но царь позволил Энтони Дженкинсону доехать только до Астрахани. Тот все же добрался до Бухары и узнал, что такие караваны более не ходят. Но Китай звал и манил. Если нельзя попасть туда по суше,

то, может, есть безопасный морской путь – на Севере? Опыт хождения по северным морям, природной границе Московского царства, у английских капитанов был. Следовало бы пройти как можно дальше на восток – где-то там нашелся бы способ повернуть к Китаю. Но это – если не удастся наладить путь по суше...

Палец Меррика вернулся обратно – да только не к устью Волги, а к берегу Каспийского моря, пересек море с востока на запад, помедлил там, где полагалось бы выситься горам, принял малость к югу и остановился у берега моря, которое мастер Кит, человек образованный, называл Эвксинским Понтом.

– Крымский хан Казы-Гирей, которого года четыре назад успешно от Москвы отогнали, потерял войско и молится своему идолу Магомету, чтобы и ханство не потерять, – сказал Меррик. – Полагаю, он будет сговорчив и пропустит наши суда вот к этому порту Батум. Там сидят османы. Договориться с ними можно. Они могут даже дать охрану караванам. А далее османскими землями – на восток, и к землям киргиз-кайсаков.

– Гибралтар, – напомнил Кит.

– Деньги, – кратко возразил Меррик. – Испанские купцы любят деньги не менее, чем наши. У них можно зафрахтовать корабли. А королевский флот после гибели Непобедимой Армады не скоро опомнится. Но все это следует хорошо обдумать.

– Китай... – Кит усмехнулся. – А почему бы нет? Если моя судьба столь причудлива? Что там, за Китаем? Какая страна?

– Это мы когда-нибудь узнаем.

– Где-то тут живы наследники моего Тамерлана, – сказал Кит, ведя пальцем по карте. – Любопытно бы на них взглянуть. Говорят, они имеют дело с женщинами, не слезая с верблюдов.

– Это одна возможность, которую мы пустим в ход за неимением лучшего. Другая, – палец Меррика вернулся в просторы Московского царства, – здесь. Город Астрахань и река, впадающая в море. По ней можно везти товары на стругах и причалить в землях киргиз-кайсаков. Или ногайцев – с этими бродячими номадами ничего нельзя знать наверняка. И в том и в другом случае нужно обсудить это с господами из посольства. Они знают то, чего мы, всего лишь глядя на карту, знать не можем. Мы должны знать правду о тех землях и о путях!

Мастер Кит кивнул – слово было сказано.

– Хотел бы я посмотреть на их лица, когда они впервые в жизни увидят карту, – усмехнулся он, подпустив в голосе ехидства.

– Они, наверно, в своих странствиях сверяются со звездами, – с некоторым сомнением ответил Меррик. – Или у них свои приметы. Но карту мы все же возьмем с собой. Я поручаю тебе устроить это дело. Никому другому это не под силу.

Похвалу мастер Кит, как все близкие к театру люди, очень

любил. И ведь слова Меррика действительно не были лестью. Меррик очень хотел попасть на Крымский двор и встретиться с послом. Посла охраняли – но способ должен, обязан быть! И мастер Кит вдруг ощутил знакомое волнение – не такое, что лишает способности мыслить и двигаться, а более спокойное – как перед поединком с противником, который владеет шпагой хуже, чем ты.

Ему уже хотелось пройтись вокруг Крымского двора, поглядеть, кто и как его охраняет.

– Любопытно, о чем договорятся киргиз-кайсаки с господином Годуновым. Он хитер, да и они не простодушны. Может статья, они все же у него что-то выторгуют. Но не союз против калмыцкой орды, не оружие и не воеводу. Мастер Кит, ты завтра возьмешь Стэнли с Диком, пойдешь на Торг, к тестю Дика, узнаешь, кто из татарских купцов поставляет припасы на Крымский двор. Нам нужен такой человек, которого бы туда пускали как близкого по крови, который бы уже поладил с киргиз-кайсаками. Дик и Стэнли – славные молодцы, но решать, кто из купцов нам более подходит, будешь ты. Значит, пойдешь с ними.

– Если верить старухе, мало кого из купцов допустят на Крымский двор, – возразил мастер Кит. – Милорд Годунов будет опасаться, как бы через купцов не наладилась переписка между воеводой и послом. Воевода уж точно попытается что-то сделать...

– Тебе нужно понять, кто из купцов все же имеет доступ к

киргиз-кайсацкому послу. А также нужно найти нашего Сулеймана. Не удивлюсь, если он встретит в посольстве давних знакомцев.

– Да, этот проник бы и в гарем персидского шаха.

Сулейман был старый татарин, много где побродивший, прежде чем осесть в Замоскворечье, в Толмачевской слободе. Когда у Меррика возникала необходимость в толмаче при переговорах с татарами или ногайцами, что бывали в Москве наездами и русскую речь знали плохо, он всегда посылал за Сулейманом. Тот, скорее всего, знал и киргизское наречие, и киргиз-кайсацкое. Во всяком случае, он как-то рассказал, что несколько лет прожил в тех краях. Но он и о совершении хаджа в город Мекку тоже рассказывал...

Приказание доставить Сулеймана относилось не к мастеру Киту. Он в Толмачевской слободе никогда не бывал. А вот Дик и Стэнли бывали, даже могли кое-как объясниться со старыми татарами, на три четверти по-русски и на четверть по-татарски. Им и следовало тайно привести Сулеймана.

– Завтра начинаем осаду Крымского двора по всем правилам фортификации, – пошутил Меррик. – Когда узнаем побольше, составим диспозицию...

Мастер Кит, словно не слыша, взял со стула лютню, сел и тихонько забренчал. Ему не хотелось слоняться в мороз по московскому Торгу, который простирался от Покровского храма, что на Рву, до Земского двора, а это чуть ли не полверсты. Вот если бы посольство прибыло летом!

Если все же кто-то из купчишек по особой милости Годунова будет допущен на Крымский двор – как догадаться, подойдет ли он для задуманного дела, и как понять, во что он ценит свои опасные услуги? Хотя русский язык мастер Кит за время сиденья в Москве освоил, но еще не настолько, чтобы понимать все словесные выкрутасы. Дик – тот здесь родился, Стэнли привезли ребенком, они говорили так же, как природные москвиты, Арчи – тот умел изъясняться и на северный лад, как говорят за Вологдой, в городе с диким названием, куда приходили и бросали якорь английские суда. И что в самом начале этой интриги может сделать человек, чьи таланты лазутчика хвалил сам сэр Фрэнсис Уолсингем, мастер Кит пока не понимал. Выбрать из тех, кто с соизволения Годунова уже торгует с Крымским двором, подходящего купца? Да они же для человека постороннего все одинаковы: все в глаза тебе льстят, а потом стараются обмануть на деньги или подсунуть гнилой товар. Тут не то что от Дика – от старухи, годуновской служанки, было бы больше проку.

Меррик молча смотрел на мастера Кита. Он знал, что поэты большей частью безумны, и знал, что сейчас произойдет: мастер Кит примется петь. Песней он покажет Меррику, насколько тот ниже поэта во всех отношениях, допоеет до конца, гордо положит лютню и уйдет – чтобы завтра без особой охоты, но честно исполнять поручение. Так приучил его покойный Уолсингем. Мастер Кит причудлив и своенравен, как светская красавица-вдова, имеющая право выбирать лю-

бовников по зову непутевого сердца. Но мастер Кит понимает, что верхушку «Московской компании» сердить опасно, – могут, забыв о былых заслугах капитана Марло, отправить поэта назад в старую добрую Англию, где его ждут не прекрасные зеленые луга и поля, а тюремная камера.

Побренчав и подкрутив колки, поэт запел. Голос у него был приятный, да и песенка сладостная.

– Приди, любимая моя! С тобой вкушу блаженство я. Открыты нам полей простор, леса, долины, кручи гор, – с преувеличенной томностью исполнял Кит свое сочинение.

Чтобы прекратить музицирование, Меррик вышел из Казенной палаты. Кит выругался и положил лютню на стол. Завтра предстояло полдня слоняться по Москве. А для этого – одеться потеплее. Хотя долгополая московская шуба хорошо грела спину и грудь, но штаны поверх исподних требовались плотные.

В московской зиме он видел одно благо – улицы под слоем снега ему казались чистыми. Конечно же, летом они были не менее грязны, чем лондонские улицы, но зима, но белизна...

Лютня молчала. Должно быть, стоило разломать ее на мелкие кусочки и скормить печке, чтобы не напоминала более о настоящей жизни. Мастер Кит не думал, что будет так скучать по Лондону. Даже по мрачным башням Тауэра, даже по Лондонскому мосту, изысканно украшенному кольями с насаженными на них отсеченными головами преступников. Даже по Темзе, вонь от которой заставляла благовоспитан-

ных господ прижимать к носам надушенные платки.

Лютня молчала, но память жила и не давала покоя. Мастер Кит понимал, что отчаянный дядюшка, капитан Энтони Марло, спас ему жизнь, похитив его из Лондона и случайно передав в долговременное пользование «Московской компании». Жизнь-то спас... а душу?.. Ту, о которой говорится в проповедях? Может, даже душу спас – здесь, в дикой Московии, мастер Кит при всем желании не мог бы грешить так, как грешил в Лондоне.

Но что-то же он погубил!

Что-то в душе порой сильно болело, и звуки лютни сперва несли исцеление, это была единственная живая связь с зелеными лугами далекого острова, а потом они начинали безмерно раздражать – потому что мастер Кит снова вспоминал о своем бессилии. Там, в Лондоне, остались гениальный воин, скиф Тамерлан, и презревший богословие ради тайн мироздания и власти доктор Фауст, отчаянный чернокнижник, и король Эдуард, убитый таким способом, что не приведи господь, и даже Дидона, царица Карфагенская, – трагедию о ней, написанную в веселой юности, мастер Кит почти не помнил.

Дядюшка Марло и лорд Барли увезли только тело сочинителя – а рукописи, его истинная душа, остались дома. И мастер Кит тосковал по ним, как мать о навеки потерянных детях.

Татарина Сулеймана удалось отыскать не сразу – уезжал

куда-то по загадочным делам. Перед этим, как и предсказывал мастер Кит, выяснилось кое-что неприятное.

Он обычно с великой неохотой покидал теплую Казенную палату, чтобы тащиться на Торг. С ним обычно выходил Дик. Они искали подступов к купцам, которые снабжали припасами Крымский двор. И узнали занятные подробности.

Припасы требовались такие, что не сразу и сыщешь. Взять ту же баранину. Масленица на носу, дай Боже расторговать до нее все замороженное мясо, а за новым посылать уже опасно – не остаться бы с никому не нужным товаром на руках. Посольство же привыкло есть баранину, особенно жаловало бараний курдюк. А где такой курдюк, как им по душе, на Москве взять? У них в степях овцы иной породы. Татары пригнали им здешних овец, а они недовольны...

Молоко им тоже требуется в немалом количестве – но какой купец торгует молоком? Кому молоко требуется – тот заводит корову или же сговаривается с соседями. Многим этот товар доставляют из подмосковных деревень в замороженном виде. А женщины, которых Кул-Мухаммад привез с собой, готовят какие-то свои особые сыры. Предложили им купить пару дойных коров – коров они взяли, и даже сено для них приобрели.

Правда, мешки с мукой тонкого помола только успевай подвозить. В степи-то хорошая пшеничная мука – роскошь.

Дело следовало вести осторожно, чтобы не спугнуть добычу. Первые переговоры вел Дик. Мастер Кит лишь подда-

кивал, но внимательно следил за собеседниками. Наблюдательность выручала его не раз – не то во Франции бы и осталась, удобрять грешной плотью траву в придорожной канаве.

Четыре дня потратили на то, чтобы окончательно уяснить: припасы на Крымский двор уже поставляются, но дальше ворот никого не пускают, то есть вообще никого, без единого исключения. Кроме того – не давая купцам возможности нажиться на гостях, боярин Годунов велел многое поставлять киргиз-кайсакам с Сытного государева отдаточного двора; хорошо испеченный хлеб везли оттуда коробами, потому что подходящих печей на Крымском дворе отродясь не бывало, и муку везли мешками, зная, что эти люди готовят в казанах свои пряженые лепешки, и крупы – на всякий случай, вдруг в степи тоже едят гречневую кашу.

На четвертый день стало ясно, что на Торгу ничего и никого подходящего не найдется. Но оба на Английский двор не спешили. Дик любил в свободное время слоняться меж лавок и рундуков, прицениваясь и даже кое-что покупая, а мастер Кит задумал посетить иконный и бумажный ряды.

Меррик сказал однажды, что там порой продают русские книги более веселого содержания, чем «Жития святых», по которым мастер Кит осваивал русскую письменную речь. Дик к этому добавил, что книгу порой можно встретить и у торговцев в овощном ряду, на что мастер Кит возвел очи к потолку – чего еще ожидать от нелепого и безумного города?

Потом он расхохотался. Меррик и Дик переглянулись –

они ничего не поняли, да и не могли понять. А мастер Кит просто представил себе столицу своего Тамерлана, где книги, привезенные из захваченных городов, скорее всего, тоже продавались где попало – и даже на вес.

– Пойдем еще к Флоровскому мосту, – сказал Дик, когда в иконном и в бумажном ряду не нашлось ничего подходящего. – Там, говорят, тоже что-то можно раздобыть, и даже печатные листы с картинками. И помни, мастер Кит, что нас ждет отличное жареное мясо. Просто помни, что еще немного – и ты получишь превосходный жирный кусок мяса. Ведь на Торгу и не захочешь, а купишь какую-нибудь гадость, да там же и съешь. Торговцы как-то понимают, кому можно всучить тухлятину, а от кого лучше держаться подальше. По глазам они, что ли, понимают, кто голоден, а кто сыт?

– По запаху, – буркнул мастер Кит. И так оттолкнул парнишку-разносчика с лотком пирогов, что тот едва не свалился на грязный снег.

Московский Торг недавно горел, развалины лавок снесли, а новые были поставлены кое-как – по государеву указу следовало здесь вскоре строить каменные торговые ряды. Пройти между лавками было особенным искусством. Дик уже наловчился – шел впереди и прокладывал дорогу мастеру Киту. Вдруг Дик остановился.

– Гляди, приказные... Посольского приказа писцы... Видишь?..

– Вижу.

– И с ними киргиз-кайсак...

– Вижу... Как ты их различаешь – этих киргиз-кайсаков, татар, крымчаков, ногайцев?

– Ты тоже научишься отличать.

Этих молодцов мастер Кит уже знал в лицо, хотя знакомства не было: писцы, Никита Вострый и Михайла Деревнин, оба молоды, чуть за двадцать, Михайла – ростом повыше и в плечах пошире, румян, почти дороден, Никита – бледноват, худощав, нос прямой и тонкий, подбородок острый, этого и борода скрыть не может, серые глаза глубоко посажены, а вот киргиз-кайсак – мужчина лет тридцати, хотя кто этих степных жителей разберет. Округлое смуглое лицо, в меру скуластое, веселые черные глаза, из-под белого войлочного колпака выбиваются черные прядки. И все ему тут в диковинку, и во все он тычет пальцем, а приказные потихоньку объясняют.

Пропустив этих троих, Дик и мастер Кит, не сговариваясь, пошли следом. Было любопытно, отчего именно этого человека выпустили с Крымского двора и о чем он с писцами толкует.

Киргиз-кайсак глядел в будущее: безбожно коверкая русскую речь и произнося звуки так, что мастер Кит знакомых слов не узнавал, он обещал, что через полгода будет разговаривать не хуже любого московского жителя.

– Сдается, он останется тут при Посольском приказе, бу-

дет учить язык, чтобы потом служить при своем хане толмачом, – шепнул Дик. – Сейчас толмачами служат астраханские и прочие татары, а хану, видать, нужен надежный человек. Может, даже родня.

– И вряд ли татары знают русское письмо, – ответил мастер Кит. Сам он пока спотыкался на каждой причудливой букве и знал, что у татар в ходу письмо арабское – справа налево.

Разумеется, тут же вспомнился «Тамерлан» – героев на сцену автор согнал со всех концов света и не придал им ни единого толмача. Даже дитя, глядя на раскрашенную карту в Казенной палате, сказало бы, что все эти люди не могут говорить на одном языке. Мастер Кит отвлекся на размышления – как, в самом деле, передать на сцене такую разноголосицу? Да и нужно ли передавать, если публика не возражает?

Веселый киргиз-кайсак принялся что-то объяснять приказным.

– Я понял тебя, Бакир, сейчас пойдем туда, где продают украшения. Порадуешь свою женку, – сказал Никита Вострый. – Я-то знаю, что женкам по душе.

– Так ты ж не женат, – напомнил Никите Михайла Деревнин.

– Не женат, а зазноба есть. Я ей то перстенок приношу, то низку речного жемчуга. Нельзя же без подарков.

– Вдова, что ли?

– Девка. На Красную горку сваху зашлю. Мы с ней уж сго-

ворились. Мой крестный обещал к тому времени мне другое жилье приискать.

И мастера Кита, и Дика мало беспокоило, какая такая зазноба завелась у Никиты Вострого. И они пошли с Торга прочь – Дик к спуску, чтобы перебежать через реку и выйти к сперва к Татарской, потом к Толмачевской слободе, а мастер Кит свернул на Варварку, к Английскому двору.

Он хотел со всем возможным ехидством сообщить Меррику, что оказался прав и вербовать купца для переговоров с посольством – бесполезная затея. А вот татарин Сулейман мог бы оказаться полезен – он так пронырлив, что и в царицын терем незамеченным проберется.

К тому же на поварне Английского двора, это мастер Кит знал точно, к обеду готовили пирог с почками и йоркширский пудинг, было намечено и открыть бочонок с хересом. И это хоть на полчаса переносило едоков в Лондон...

Глава 3. Безымянная девка

Подьячий Земского двора Иван Андреевич Деревнин сидел за столом в том мутном состоянии души и тела, когда глядишь перед собой без единой мысли и без всякого соображения, а руки-ноги чуть ли не человеческим языком шепчут: шелохнуться не можем, и не приказывай – бесполезно.

Умаялся!..

Сутки не спал подьячий – вместе со своими людьми и стрельцами брал ватагу налетчиков, что пришли на Москву из Ростокина и промышляли когда воровством, а когда и грабежом. Последнее, что они учудили, – напав на обоз, уложили кистенем насмерть купца и даже его жену. После этого и решено было брать любой ценой.

Поскольку шалила ватага и на Москве, и за пределами, ею занимался и Земский двор, отвечавший за порядок на Москве, и Разбойный приказ, в чьем ведении были головорезы из окрестностей.

Пришлось Деревнину вместе с товарищем из Разбойного приказа сидеть в засаде, причем место для засады очень толково подсказал ростокинский поп, отец Пафнутий, и потом, когда лиходеи чуть не взяли попа в заложники, отбивать его и руководить стрельцами, среди которых было двое молодых, совсем неопытных.

Так ведь мало же взять налетчиков – нужно их привезти

и сдать с рук на руки зрителям подземной тюрьмы Земского двора, а зрители, хоть и были предупреждены, завалялись, сукины дети, спать. Так ведь мало сдать им добычу – нужно еще заставить кузнеца тут же наложить на добычу цепи и так все заклепать, чтобы налетчики не то чтобы бежать – а пошевелиться с трудом могли. И еще наказать, чтобы с утра им хоть по куску черствого хлеба дали, а хлеб – казенный, за ним придется посылать с бумагой ярыгу на Сытный государев двор, откуда выдается пропитание, и ставить злодеев на довольствие, чтоб им сдохнуть...

И вот подьячий Деревнин сидел в приказной избе на лавке, не находя в себе сил подняться на ноги, и думал, что завтра с утра придется отбирать сказки у лиходеев, что врать они будут немилосердно, валя вину друг на дружку, что путаницы в этих сказках явится изрядно, что придется снимать с высоких полок лубяные короба со свитками столбцов, в которых записаны злодеяния чуть ли не десятилетней давности, и искать в них следов нынешних налетчиков, а он, Иван Андреев сын Деревнин, даже не сможет выспаться, чтобы утром бодро приступить к допросу.

И даже самому себя жаль стало – в сорок шесть-то лет носиться ночью на санях по проселочным дорогам, которые и не дороги даже, а так – санный след; летом же по тем дорогам только чертям за дровами ездить...

Виски уж поседели, бороду проседью пробило. Спину порой ломит. А служи, раб Божий, служи государю! Государь

же и твоего имени не ведает. Государю, сказывали, до Земского двора вовсе дела нет, столь богомолен, что мирской суетой вовсе пренебрег. Вот разве что боярин Годунов – того следует благодарить: придал Земскому двору стрельцов. Без них бы совсем плохо было...

Да, умаялся... Так умаялся, что даже голод брюхо не гложет...

В приказную избу заглянули двое – товарищ по службе Василий Еремеев да сомнительный человечешко Данило Воробей. Данило порой оказывал Деревнину услуги, а кормился тем, что при Ивановской площади состоял площадным подьячим. Он мог подсказать, кто и когда из налетчиков объявился, скажем, в Замоскворечье, на чьем дворе прячется. Откуда такое тайное знание – Деревнин не спрашивал, а отдаривался вот чем: приходившим в приказ бестолковым просителям, не умеющим внятно изложить свою беду, велел искать на площади Воробья да не скупиться – Данило всю кляузу толково запишет и научит, как на расспросы в приказе отвечать.

– Что ты тут сидишь, понапрасну казенную свечу жжешь? – спросил Еремеев. – Шел бы домой, право.

– Хочешь – за извозчиком сбегаю? – предложил Воробей.

Деревнин только головой помотал. Напротив Земского двора денно и ночью торчали извозчики с лошадьми – на случай, ежели где-то вдруг полыхнет и особая стража, заведенная для того, чтобы тушить пожары, помчится с лопа-

тами и баграми исполнять свое ремесло. То место, где они ждали беды, так и называлось – Пожар, и было оно на краю Торга. Да и в кремлевских приказах люди допоздна сидят, может, есть хитрые извозчики, которые у Никольских ворот околачиваются. Обычно-то Деревнин ходил домой пешком... обычно, а вот сейчас...

– Вставай, вставай! – Еремеев потряс товарища за плечо. – Ефимка-сторож уж не знает, как тебя выпроводить, чтобы двери запереть.

– А ты? – спросил Деревнин.

– А я, вишь, Воробья ждал. По своему дельцу...

Знал Деревнин, что это за дельце. Еремеев собрался сына женить и просил Воробья тайно разведать про невестину родню. Свахи мало ли что наболтают, а после венчания поздно ахать и кулаками махать. Ждать пришлось долго.

– И то... Пойду, пожалуй, – решил Деревнин. – Данило, нам ведь по пути... Так и быть, доведу тебя до твоего дворишки.

Хотя площадному подьячему лучше всего иметь хоть убогонький двор в самом Кремле, Воробей предпочитал жить и столоваться у замужней сестры Ульяны. Это было всем удобно – Воробей получал утром и вечером хоть простую, но горячую еду, был обстиран, спал в тепле. Ульяна же получала от него деньги и помощь по хозяйству – муж, Аверьян, совсем обезножел, дочери были выданы замуж в Тверь и даже в Вологду.

Оба – и Деревнин, и Воробей – жили в Остожье. Место не знатное, чуть ли не впритык ко многим дворам – заливные луга, где пасется скот, что очень удобно для хозяек, имеющих корову, а то и двух. Деревнин все собирался оттуда съехать, чтобы заполучить достойных соседей, поскольку признаваться, что твой дворишко – на Остожье, порой даже неловко. Опять же – сын. Единственный.

Сыновей ему покойная Агафья родила четверых, двое померли в самом раннем младенчестве, третий, Алешенька, уродился сущеглупым, бродил, разинув рот, слюни текли, утереться не умел. Деревнин сговорился, сделал за него вклад в обитель, отдал под присмотр инокам, имевшим послушание – заведовать богаделенкой. Судя по тому, что из богадельни известий не поступало, Алешенька жил, был по своему здоров, а годочков ему исполнилось уже двадцать четыре.

Михайлу удалось пристроить писцом в Посольский приказ. Этим сыном Деревнин гордился. Тем, кто в Посольском приказе, такие дороги открыты – иным приказным и не снилось. Они у самого Годунова на виду. А Годунов – все ведали! – государство под себя подмял. Так и говорили: на царство помазанный царь Федор Иванович царствует, а непомазанный царишко Борис – правит. Коли важное дело – к нему и идти. Да еще за спиной у него – женушка, о коей шептали: не к ночи будь помянута. Дочь недоброй памяти Малюты Скуратова.

Однако, пока жив государь, годинувское семейство никуда не денется – еще покойный Иван Васильевич сам сосватал сыну Федору Борисову сестрицу Ирину, словно знал: у Годинуновых хватка цепкая, куда там волчьей пасти, за ними сын будет – как за каменной стеной.

А ведь сказывали шепотом, что Годинув-то с Бельским покойного царя и уморили...

Но в приказной избе Земского двора еще и не таких чудес наслушаешься.

Деревнин присматривал сыну невесту – в семействах, близких к Годинуву. Коли изловчиться – так, может, когда чадо народится, и сам Борис Федорович соизволит в крестные пойти. То-то была бы удача! Даже не в подарках дело – а годинувского крестника в любом приказе хорошо примут. Разумеется, Деревнин первым делом о Посольском приказе думал. И уже предполагал – как и когда начнет учить внука грамоте, какого опытного немца из Немецкой слободы ему наймет для обучения языкам.

Однако первым делом следовало вложить прикопленные денежки в хороший дом и двор. В этот, на Остожье, ведь жену из почтенного семейства привести страшно. То-то Михайла так и норовит переночевать в Кремле, у приятеля Никиты Вострого, с которым в приказе рядышком сидит, в одну чернильницу они перья тычут. Стыдно ему звать гостей в Остожье...

С одной стороны, нужно отселева съезжать, а с другой –

Деревнин, уже несколько лет вдовевший, задумал жениться. А свадьба – расходы, да и после свадьбы молодую жену надобно наряжать. Это тебе не ключница Марья, что после смерти Агафьи согласна спать с хозяином за скромные подарки.

Щуплый Воробей был очень рад, что с ним пойдет статный и осанистый подьячий. И они двинулись потихоньку, несуетливо, беседуя о приказных делах. Воробей в порядке благодарности взялся нести небольшой слюдяной фонарь.

Фонарь был делом необходимым – не для того лишь, чтобы, споткнувшись о колдобину, ноги не переломать, а еще для того, чтобы решеточные сторожа видели: идет человек ведомый, лица не прячет, можно пропустить. А кто без огня – того имать и в тюрьму препровождать, потому – вряд ли что хорошее ночью затеял. Попадались и такие, что пытались зажечь богатый двор, чтобы в суматохе добром поживиться.

Зимняя ночь на Москве была тиха, только дальняя переключка сторожевых стрельцов на кремлевских башнях эту тишину нарушала. Да время от времени кричали десятские: совершая положенный обход по своей улице, вспугнули вора или даже просто молодца, что тайно пробирался к зазнобе.

Двор Воробья был совсем рядом, когда случилось неожиданное.

– Иван Андреич, слышь-ка? – вдруг прервал толкующего о ростокинских налетчиках подьячего Воробей. – Бежит кто-то?

– Да, от реки.

– Самое время бегать.

– Да уж...

Скрип быстрых ног по снегу приближался.

– Парнишка, что ли?

– Кажись, за ним гонятся.

– Что ж молчит? Десятских надобно кликать.

Десятские недавно голос подали – были не так чтоб совсем рядом, но и недалеко, там, где уже более десяти лет все строили, строили, да никак не могли достроить каменный собор – сказывали, быть ему Зачатьевским.

Из темного переулка вынырнул невысокий беглец, метнулся влево – да и налетел на Деревнина, да и прижался, словно бы с великого перепуга. Преследователи перешли на шаг – должно, заметили двух хорошо освещенных фонарем мужчин.

Сабли с собой Деревнин не таскал, а вот хороший турецкий нож на поясе был, да за голенищем – как водится, ножик-засапожник. Данило также не ходил безоружный.

– Эй, кто там шалит?! – грозно крикнул Деревнин. – Пошли вон, не то десятских кликну, за стрелецким караулом пошлю!

Незримая погоня остановилась.

– Иван Андреич, они так просто не уйдут, они затаились, – сказал Воробей. – Ну-ка, глянь-ка, кого нам Бог послал...

Он осветил лицо беглеца.

– Ох ты! Девка!

Для этого и фонарь не требовался – беглец благоухал розовым маслом.

– Девка, – подтвердил Деревнин. – Ты чья такая? Отчего по ночам носишься, как угорелая?

Ответа не было.

– Нерусская, – сказал Воробей. – Гляди ты, совсем с перепугу онемела. Из Татарской слободы, что ли, сбежала?

– Отсюда до Татарской слободы версты полторы, не меньше. И как бы она проскочила мимо решеток?

– Там тоже на ночь ставят решетки?

– Ставят... И сторожа при них стоят... – Деревнин заглянул девке в лицо, она отвернулась и прикрылась ладошкой. – А вроде бы татарка...

– Косы черные. Да скажи хоть слово! – потребовал Воробей.

Девка молчала.

– Син кем? Сине ничек чакырырга? – Воробей перешел на татарскую речь.

Ответа не было.

– Син татарча?

– Или насмерть перепугана, или не татарка, – сказал Деревнин. – Оставлять ее на улице нельзя.

– Сам вижу.

– Вот что – ты ее к себе возьми, переночует в подклете, утром выпустишь.

Воробей нахмурился, но слово подьячего – закон; вот так-то ослушаешься, а он запомнит и потом найдет способ тебя прищучить.

– Минем белен барыйк, – сказал девке Воробей. – Не разумеет! Ну, Господи прости, Аллах акбар!

– Аллах акбар, – повторила девка. – Сен мусумансын ба?

– Мусумансын, – согласился Воробей. – Что делать, приходится врать. Пойдем, голубушка, у нас ты будешь безопасна.

– А коли турчанка? – предположил Деревнин.

– У турчанок и глаза другие, и лицо. У этой, вишь, личико плоское, глазки узковаты. Хотя... Тюрк кизисин?

Познания Воробья Деревнина не удивили – на Ивановской площади кого только не встретишь, и литву, и армян, послужи там годик-другой – намастачишься и по-персидски малость лопотать. Знал площадной подьячий три десятка слов по-татарски, столько же по-турецки, полсотни – по-польски и по-немецки, даже по-шведски – от пленных шведов научился, которых недавно привели. Этого хватало, чтобы определить, откуда иноземец, довести его до Посольского приказа, пусть там с ним толмачи разбираются, и взять за услугу хоть полушку.

Когда Воробей взял девку за руку, чтобы привести на двор, она свою руку выдернула, всем видом показывая: не дамся!

– Ну, Данило, я с ней постою, а ты беги, приведи кого ни

есть из баб, – догадался Деревнин. – С бабой, да еще старой, она пойдет.

Так и сделали. Воробей знал, что Ульянина свекровь Тимофеевна, бабка лет семидесяти пяти, мается бессонницей и, чтобы никого не смущать, летом в хорошую погоду часто сидит ночью в садике, зимой же – просто у кухонного окошечка, вполголоса вычитывая молитвы – больше-то впотьмах заняться нечем.

Тимофеевна пришла, ей объяснили положение дел, она поахала, приобняла узкоглазую девку и повела на двор. Девка не сопротивлялась.

– Слава те Господи! – сказал Деревнин. – Ну, Данило, тебе на том свете зачтется. Ты утром разгляди, во что она одета, составь опись, пойдешь к себе на Ивановскую – занеси ко мне в приказную избу. Может, девку станут искать, так пригодится. Давай фонарь.

До своего двора он добрался без приключений. И нет бы ему задуматься – отчего люди, от которых убегала девка, не попытались как-то наказать ее спасителя. После бессонных и суетливых суток, после того, как улов, три грешные души, был доставлен и сдан в тюрьму, что тут же, возле приказной хоромины, Деревнину было не до умопостроений.

Когда он подходил к калитке, его приветствовали два дворовых пса.

В доме все уже спали. Он прошел на поварню в надежде, что в печи стоит и еще не успел остыть горшок-кашник.

Ему хватило света от лампадки, горевшей в углу перед образком Николая-угодника. Горшок был, Деревнин подхватил его ухватом, выставил на стол и по-простому навернул оттуда теплой пшенной каши, приправив конопляным маслом. Потом вернул ополовиненный горшок в печь – стряпуха Ненила, коли верить запаху, с вечера поставила тесто на хлебы и на пироги, значит, поднимется ни свет ни заря, и это будет почти скоро; пусть бы поела каши.

Потом он пошел в опочивальню, моля Бога, чтобы ключница Марья, с которой он втихомолку сошелся после смерти жены, не прокралась туда с вечера и не заснула на кровати. Марьи не было, и он сообразил – среда же завтра, постный день, в ночь на постный день такие дела возбраняются, и бабюшка в церкви, после службы и проповеди, всегда о том бабам напоминает.

Раздевшись, Деревнин рухнул на постель – было не до вычитывания вечернего молитвенного правила. Встать он хотел до рассвета, чтобы бежать в приказ, и ему это удалось.

На кухне уже хозяйничала Ненила. С ней была Марья, бабы развлекались беседой. Одновременно Марья резала вареное мясо и выкладывала его в миску с кашей – чтобы сделать начинку для пирогов.

– Марьюшка, накрой Ивану Андреичу, – попросила Ненила. Она делила поставленное с вечера и старательно вымешенное квасное тесто на большие шматы, чтобы каждый еще отдельно подмесить на доске и собрать в ковригу. Не только

руки по локоть были в ржаной муке, но и нос, и щека.

– Оладьи будешь, наш батюшка? – спросила Марья.

– Буду.

Пока ключница пекла большие, «приказные» оладьи в палец толщиной, пока ходила за горшочком меда к ним, Деревнин помолился на образ Николы-угодника. Вычитывать правило полностью не стал – спешил.

Горячие поджаристые оладьи очень его порадовали. Пока ел – даже окончательно проснулся.

– Не послать ли тебе в приказ пирогов? – спросила Ненила. – Ивашка бы снес. Все лучше, чем брать на Торгу. Там такую тухлятину в тесто завернут – три дни будешь брюхом маяться.

Ивашка, соседский парнишка, охотно исполнял такие поручения: Земский двор у Воскресенских ворот в двух шагах от Торга, а на Торгу весело! Вот земский ярыга воришку за ворот сгреб и в приказную избу тащит, вот баба клюкой отгоняет от красивой внучки доброго молодца, вот разносчик пироги с лотка в снег уронил – успевай хватать да удирать!

– Я сваху вчера видала, – сказала Марья. – Сказывала, есть для Михайлы Иваныча невеста – шестнадцати годочков, хорошего рода, батюшка ее в Постельном приказе служит, недавно его туда взяли из Твери, услуги боярину Годунову какие-то оказал. Годунову! То, что нам надобно. Вот он семейство и перевез, а на Москве у него тетка жила, да померла во благовременье.

– У самого Годунова на виду – это славно...

– Девка собой хороша, приданое – теткин двор на Лубянке, у Введенской церкви, дворишко невелик, но жить там можно. И деньгами дадут немало, и мягкой рухлядью. Я свахе сказала взять у отца роспись приданого, принести, ты сам поглядишь.

– Погляжу... – Деревнин подумал о Воробье; вот кому дать ту роспись и отправить лазутчиком на невестин двор.

– Поел, батюшка? – спросила Ненила. – Или еще оладушек пожарить?

– Сыт по горло, до обеда продержусь. Пойду я, благословясь, – Деревнин встал из-за стола. – Марья, я рубаху порвал. Почини. На постели оставил.

– Починю, наш батюшка.

При людях она его почтительно называла, а наедине – могла даже Ивашкой.

На дворе залаяли псы.

– Кого там нечистый принес? – спросил Деревнин. И ведь угадал – ангелы-то приводят вестника, несущего добрую весть, а нечистая сила – такого, что с неприятностями.

Это оказался Данило Воробей. Псы его узнали и пропустили.

– Батюшка Иван Андреич, беда!

– Что стряслось?

– Девку нашу порешили!

– Как порешили?! Что ты врешь?!

– Удалили, Иван Андреич!

– Где, как?

– На двор к нам залезли, пса, видать, прикормили. Они, сукины дети, следили за нами и подслушали, что мы девку в подклете уложим. А пес, паскуда, чуть живой валяется! Что сожрал – то выbleвал, старый дурак. Может, потому и жив остался...

Деревнин помолчал.

Воробей смотрел на него с надеждой.

– Идем к тебе, – сказал подьячий. – Светает, девку разглядим, может, что и уразумеем.

И вздохнул: пора бежать в приказную избу, а тут еще покойница...

На дворе у Воробья было полное смятение: Ульяна рыдала, Тимофеевна довольно громко молилась, Аверьян сидел у дверей подклета на чурбаке и ругал ополоумевших баб.

– А все ты, твои затеи! – напустился он на Воробья. – Приняли в дом шпыня ненадобного!..

Он сильно не уважал ремесло площадного подьячего.

– Цыц, – даже не слишком грозно сказал Деревнин. – Будешь лаяться – не посмотрю, что обезножел, в приказ сволюку.

– За что?!

– За то. Данило Петрович мое приказание исполнял. А ты бабам не велел пса хорошо кормить, вот он у тебя всякую дрянь и жрет.

Тут Аверьян и заткнулся – Деревнин словно под дверью подслушивал, как он костерит Ульяну за лишние расходы по хозяйству.

– Запали лучину, – сказал Воробей сестре. – И тащи сюда живо.

Оба подьячих, приказный и площадной, вошли в подклет. Там на лавке лежала девка с запрокинутым лицом.

Воробей держал лучину, пока Деревнин наскоро осматривал покойницу.

– Душили руками, – сказал он. – И ручищи здоровенные. За что ж ее так? От кого убегала?..

– Насиловать хотели?

– Нет, из-за такой глупости не убивают. А, статочно, с Крымского двора девка! – догадался Деревнин. – Там теперь посольство какое-то из степей. Это, поди, их девка. И бежать от Крымского двора ей было недалеко – до реки, да через реку, да тут же, сотни сажен не будет, и твой домишко.

– Они что же, с собой девок возят? – удивился Воробей.

– Отчего ж им не возить? Посольству из тех степей добираться не менее месяца, а то и все три, да сколько на Москве жить – неведомо, вот иной и берет с собой женку... Коли там, на Крымском дворе, мужик свою бабу гонял, то понятно – побежала, куда ноги несут. Но убивать? И ведь не сгоряча убил – еще вернулся на Крымский двор, взял отраву, потом – сюда... Темное дельце, брат Данило.

– Темное-то темное, а как быть?

– Как быть...

Воробей глядел на Деревнина с надеждой: он спрятал у себя девку по прямому приказанию подьячего – стало, подьячий за нее и в ответе.

Деревнин уже сам был не рад собственному милосердию. Куда девать тело? Звать решеточных сторожей, которые еще не разобрали бревен, перегораживавших улицы? Опасно... Идти на Земский двор, там взять сани, в которых обычно возят покойников? Еще того хуже. Ввергать Воробья в беду подьячему не хотелось.

– Вот что, брат Данило. Ты наши порядки знаешь – коли у тебя на дворе мертвое тело явилось, так и вина – твоя.

– Как не знать! Оттого-то и правды не добьешься – коли кто на улице увидел, как злодеи человека порешили, так и помочь страшно, убегает без оглядки. Схватят над мертвым телом – виновен!

– Так ты, Воробей, бабам своим прикажи помалкивать, а тело ночью вынеси ну хоть к реке.

– Батюшка Иван Андреич, не смогу, слабосильный я. Это была чистая правда.

– Тогда... Тогда положи на дворе, снегом закидай, я найду человека, чтобы помог. Ничего с тем телом в сугробе не делается. И чтоб бабы молчали! Я их знаю, они дуры. Как раз тебя под большую беду подведут. Сможешь с ними управиться?

– Ох... – Воробей вздохнул. Всем хозяйством заправляла

Ульяна, коли ее разозлить – может и со двора согнать.

Деревнин нахмурился. Ежели бабы распустят языки и Воробья схватят – придется вызволять его, тратить деньги, идти на поклон к объезжему голове, чьи люди первыми прибегут к мертвому телу, потом к князю Гагарину, своему самому главному начальнику.

Подьячий повернулся к Ульяне.

– Если ты, дурища, хоть слово сбрехнешь – у нас на съезжей тебе всю спину кнутом обдерут. Сам скажу: ты-де ту девку увидела, как она в подклете сидит, и ты-де ее от злости удавила. Кому больше веры – Земского двора подьячему или тебе, дуре?

Ульяна закивала. Эту беду, похоже, удалось избыть.

– Я в приказ пойду. А ты, Данило Петрович, прежде чем тело в сугроб закапывать, сделай опись всего, что на нем найдено, потом мне доставишь. Как знать – может, ту девку уже ищут, может, родня с ног сбилась и к нам на Земский двор прибежала.

Взяв лучину, Деревнин вышел во двор. Двор был невелик, у входа в подклет Воробьево семейство все истоптало, но у ворот подьячий обнаружил следы.

– Мать честная, это что ж за топтыгин приходил?

Следы были огромные и косолапые.

– Ишь ты, левой ногой больше, чем правой, загребают. След приметный, и сразу видать – топтыгин у нас рослый.

Присев на корточки, Деревнин привычно измерил следы

растопыренными пальцами и перевел то, что получилось, в вершки.

– Семь вершков, – задумчиво произнес он. – Детина, значит, чуть не в сажень ростом. Татары ж таковы не бывают, а киргиз-кайсаки – им родня... Откуда ж притащился такой Голиаф?

Как многие московские жители, из Ветхого Завета он помнил то, что увлекательно: про царя Соломона, про Юдифь и царя Олоферна, про Иосифа с тощими коровами, про пастушка Давида, что из пращи убил великана Голиафа.

Измерил он также след поперек, и вышло два с половиной вершка, что тоже немало. С тем Деревнин и ушел.

В приказной избе он полез в короба – память подсказывала, что было дельце, когда ограбили обоз с битой дичью, налетчиков не сыскали, но один из возчиков дал их точные приметы. Найти нужные столбцы в свитке длиной в три сажени – дело непростое, разматывать и сматывать помогал писец, четырнадцатилетний Митя, взятый на Земский двор не просто так, а по упросу боярыни Юрьевой, парнишка был племянником мамки ее младшей дочери.

Потом в приказную избу стрельцы привели самого из троих жалкого налетчика. Сказался Ермишкой Шилом. Отчего Шило? Надо полагать, наловчился сей причиндал ловко совать меж ребер...

Ермишку, пока брали налетчиков, порядком потрепали, руку из плеча выбили, оба глаза подбили, и Деревнин рассу-

дил: пусть сперва этот горемыка все про товарищей выложит как на духу, а потом уж можно двух других поодиночке расспрашивать. Врать будут, это понятно, и опытный подьячий даже даст им такую возможность. А как поверят, что Деревнин проглотил тухлятинку, так он и рывкнет, да кулаком по столу, да тот кулак к налетчикову носу поднесет: а ну, нюхай, чем пахнет!

Их, привезя ночью, нарочно рассадили по разным углам сырого тюремного подвала, чтобы не могли сговориться да, стуча от холода уцелевшими в стычке зубами, поразмыслили о своих грехах и о своем горестном грядущем. Теперь Деревнин готовился пожинать плоды этого правильного решения.

Шило и без кулака начал все выкладывать, не забывая выгораживать себя, сиротинушку. Сидевший рядом с Деревниным Митя только успевал заносить эту жуткую исповедь на листки, которые потом предстояло склеить в столбцы. Митя служил всего лишь третий месяц и очень старался, за то Деревнин ему покровительствовал. Была, впрочем, у подьячего тайная мысль, нечто вроде договора со Всевышним: вот я тут, у себя в приказной избе, буду добр к Митеньке, а в Посольском приказе дьяки и подьячие будут добры к Михайле.

Потом Деревнин велел стрельцам уводить Ермишку; кормить до ночи, впрочем, не велел, хватит с него утреннего ломтя хлеба, лиходею поголодать полезно и даже душеспасительно. А вот о своем пропитании позаботился – вышел размять ноги на Торг, взял там у знакомого надежного раз-

носчика пирог с капустой, да другой – с яйцами, да тут же и сбитеньком побаловался.

В приказной избе товарищи сказали Деревнину, что его парнишка на крыльце дожидается. Подьячий, еще не успев скинуть шубу, вышел на крыльцо – и точно, отрок лет десяти, но не из бедного житья, в добротном тулупчике, в чистых онучах и даже новых лаптях, хороших, с кожаной подковыркой.

– Я подьячий Деревнин. Чего тебе? – неласково спросил Деревнин. Парнишка испугался и даже съежился.

– Кто тебя послал? – не дождавшись ответа, вдругорядь спросил подьячий.

– Дядька...

– Чей дядька?

– Дядька Мартьян...

– Ты в лавке, что ли, у него служишь? – догадался Деревнин.

У приятеля своего, купца Мартьяна Гречишникова, он бывал дома, когда звали к богатому застолью, домочадцев знал в лицо – то есть домочадцев мужеска полу, поскольку Гречишников очень не одобрял, когда его бабы и девки выходили к гостям. Этого парнишку он там вроде не встречал.

– Служу...

– Так с чем тебя послали-то?

– Дядька Мартьян велел – чтобы к нему... – Парнишка запнулся и совсем тихо выговорил: – Жаловать изволили...

Подьячий усмехнулся – такие словесные выкрутасы были для гонца в диковинку.

– Передай – вечером к нему буду. Беги!

Такой призыв мог означать все что угодно. Могло стать-ся, что купцу доставили дорогое заморское вино и он желает выпить в обществе давнего приятеля. А могло стать-ся, что случилось недоразумение, в котором он сам разобраться не может.

Оказалось – и то и другое.

Приказав ключнице устроить на краю стола богатое угощение и выпроводив ее, Мартьян Петрович сказал:

– Иван Андреич, совет твой потребен. Тут у меня в хозяйстве нестроение вышло...

– Какое, Мартьян Петрович?

– Некое нестроение... Блудное то бишь...

– Так говори. Я не красная девица, румянцем не зальюсь. Знал бы ты, сколько этих блудных нестроений у нас в приказных столбцах имеется. Только еще корову никто спяну не огулял, а все прочее, кажись, уже было.

– Приказчик мой, Онисим, да ты его знаешь... – Купец вздохнул. – Дурак он, хоть и мой приказчик. Старый дурень. Все ему в один голос: не женись ты на этой Дарье да не женись! На родню ее погляди! Не диво, коли явится, что та родня Стромынку оседлала! Видел бы ты их! С такими ручищами только в стеношники идти, на льду в стенке биться, государя тешить. А он уперся: женюсь, да и только!

– Про Стромынку – сторяча сказано или кое-что ведомо? И кем сказано?

– Да всеми! Я чай, сторяча. А, статочно, и впрямь портные – под мостом вязовой дубиной шьют.

Так заковыристо в народе обозначали тех лесных налетчиков, что поджидают добычу, хоронясь под мостом.

– Имена и прозвания потом скажешь. Может, и впрямь в наши столбцы затесались.

– Аникины они, Федот да Гаврило. Оба кожемяки. А она, Дарья, сказывали, честная вдова. Сказывали! Языки бы им калеными клещами!.. Повенчался мой дурень на этой Дарье. Стали жить. А у Онисима сынок – Архипка, ему уж шестнадцатый. Думали учить его, чтобы потом женить и поставить в приказчики, а до того я его в ту лавку, что ближе к спуску, определил. Так парень два и два сложить не умеет. Погоди, не смейся, рано смеешься.

Мартьян Петрович отхлебнул из кубка пряного заморского гипокраса.

– Ты сказывай, сказывай...

– А ты пей да слушай. Архипка на коленях батьку просил: не бери нам мачеху! У Онисима-то еще две дочки. Коли рассудить – баба ему в доме нужна. Да только не эта Дарьица мокрохвостая. Ну, стало, повенчались они. И Архипка стал за мачехой следить. Сам додумался или кто надоумил – Бог весть. Статочно, бабы. Следил, следил – может, начнет из дому добро выносить? А выследил ее с молодцом на черда-

ке. Шум поднял, с тем молодцом сцепился. Люди сбежались. Как полячишки говорят – гвалт!

– Да, отменное словечко. – Деревнин тоже отхлебнул гипокраса, приготовленного из дорогого красного вина, в меру приправленного корицей и мускатным орехом, но чересчур, на взгляд подьячего, сладкого; видеть, бабы гречишниковского семейства, норовя сделать как лучше, переложили меда.

– За Онисимом послали, он прибежал, чуть жену насмерть не зашиб. Из дому выгнал чуть ли не в одной рубахе. Она к братьям своим побежала. Они оба – недаром кожемяки, силища в руках – сам разумеешь... А братья через два дня подкараулили Архипку да начали лупить. Хорошо, добрые люди поблизости случились, поп какой-то мимохожий вмешался, дай ему Бог здоровья, сразу отняли парня. И эти братья Аникины грозились совсем его убить.

– Ну так приходи к нам в приказ, пиши клязузу, я научу, как составить, делу тут же ход дадим. Пусть кожемяки Бога молят, чтобы батогамы отделаться.

– Приду, да только... Просьбишка у меня, Иван Андреевич. Спрятать надобно Архипку. Они же за моим двором следят. Оба злы, как черти. А у них еще товарищи, такие же безмозглые, только и умишка, что в кулаках. А он же не может безвылазно у меня в чулане сидеть, до ветру сбегать надобно, да и скучно ему там. Что им стоит перемахнуть через забор да ткнуть Архипку ножом? Потом хоть самому Году-

нову жалуйся – с того света не вернешь.

– Ты его, выходит, приютил?

– Да. У себя пока спрятал. Мой кум Василий собирается в Муром за солью, да с ним еще наши купцы, поедут двадцатью санями. Я бы с ними Архипку и выпроводил. Там бы его хорошему человеку с рук на руки сдали, там бы и остался.

– Да коли он никакого ремесла не знает?

– Пусть мешки в амбарах таскает! – вдруг рассвирепел купец. – Говорил я дурню Онисиму! Говорил! Да хоть бы его к сапожнику в ученье отдал! Пусть бы всю жизнь подметки приколачивал! Так нет же – единое чадо мужеска пола, наследничек!

– Грамоте знает?

– Молитвослов по складам разбирает. Нет, в приказ его нельзя брать. Может, там, в Муроме, его женят? Там бы остался, от меня подальше, глаза б мои на него не глядели!

– В шестнадцать он уж жених. – Деревнин вспомнил о Михайле. По решению Стоглавого собора, случившегося чуть ли не полвека назад, женить можно даже с пятнадцати, и того решения никто не отменял. Михайла, выходит, уж лет шесть как жених, и ведь просил сын, чтобы посватали хорошую девку, просил!.. Может, та, о которой говорила утром Марья, подойдет?

– Но когда обоз снарядят – неведомо. Сделай божескую милость, помоги спрятать! К тебе на двор эти сукины сыны не полезут. Настолько у них ума, поди, хватит. Охота им с

Земским двором связываться!

– Ну что же... Придется помочь, авось на том свете зачтется. Вот что – я завтра, как начнет темнеть, к тебе соседа, Тимошку, пришлю. А ты дай ему деньги.

Тимошка, здоровенный парень, нанялся на строительство будущего Зачатьевского храма, как пошутил Деревнин, конечно, людно и оружно, то бишь – со своими санями и своей лошастью.

– Деньгу-то дам. А ты Архипку в Остожье, что ли, спрячешь? Или иное место сыщешь?

– Сперва – в Остожье. Дале – как Бог даст. Только растолкуй, где Тимошке с санями ждать, чтобы твоего Архипку к нему неприметно вывели. А там, в санях, будет солома, он в солому зароется и так поедет.

На том и расстались.

Подьячий вернулся на Земский двор, где остались незавершенные дела и дремал в ожидании Митя. Стало вроде потише – главная суматоха была там с утра.

Деревнин не собирался раньше положенного времени уходить из приказной избы, а лишь когда православный люд потянется к церквям. Он хотел было отстоять службу, да ноги уже не держали и соображение отказывало, того гляди, рухнешь в Божьем храме на пол да и уснешь, свернувшись калачиком. Дома подьячий хорошо поел и ушел спать, а переговоры с Тимошкой решил поручить Марье – и ей же следовало встретить потом сани с Архипкой. Марья ловка, бойка,

ей это будет в забаву. Опять же – у нее по всему Остожью соседки, подружки и кумушки, потом найдет куда на время пристроить парня.

А дружба с Гречишниковым подьячему пригодится. Услуга за услугу – на том мир стоит.

Все это время Деревнин думал, как бы поскорее освободить Воробья от мертвого тела. Коли по уму – так хорошо бы его подбросить к Крымскому двору. Это его новых обитателей девка – пусть они с ней и разбираются. Других забот хватает. Хотя за наглость убийц и следовало бы наказать.

Кто там теперь поселился – Деревнин плохо понимал. Он спросил у приказных на Земском дворе, но они мало что могли поведать. Пришел караван из каких-то дальних степей, с целым табуном лошадей, с верблюдами, и что они делают за ветхим, наскоро залатанным и бревнами подпертым забором, охраняемые стрельцами, – не деревнинского ума забота. Одно слово – орда. И коней, сказывали, как истинные ордынцы, режут на мясо. Хотя кое-что припомнить он все же мог – на Москве живет в заложниках то ли сын, то ли племянник, то ли киргизского, то ли еще какого хана, так, может, посольство с ним как-то связано. О делах, не имевших прямого отношения к Земскому двору, Деревнин старался не знать лишнего – он не Змей Горыныч, башка на плечах всего одна, да и та от избытка сведений скоро вдоль и поперек треснет.

Вот ежели бы на Крымском дворе случилась неприят-

ность да прибежали оттуда в приказную избу с жалобой, то пришлось бы разбираться, кто таковы и зачем пожаловали. А коли молчат, то до них и дела нет.

Наутро в приказной избе, как всегда, толпился народ: иной приволок клязузу, составленную площадным подьячим, и пробивался с ней к самому судье, в худшем случае к дьяку; иной стоял с корзинкой, в которой было подношение подьячему, занятому его делом; иной держал за шиворот собственноручно пойманного и приведенного вора, при этом рожа вора вся была в кровавой юшке; иной с львиным рыком навис над столом, за которым уже трудились писцы и подьячие, потрясая оторванным рукавом шубы. Все это был московский люд, гомонящий и яростный, а никаких гостей с Крымского двора не наблюдалось.

Деревнин удалился в отдельную каморку, чтобы отобрать сказку у второго налетчика. Тот сказался Авдейкой Кривым, и точно – был крив. В старых сказках, извлеченных из позапрошлого столбца, говорилось о кривом человеке со шрамом поперек лба, что, ловко орудуя кистенем, до смерти убил попа из Кисловской слободки. Шрам точно был, летучий кистень у Авдейки отобрали стрельцы. Налетчик врал напрапалую. Подьячий понимал, что на тот свет молодцу неохота, но уж больно много грехов накопилось. Они пререкались до самого обеда, причем ловкий Деревнин вызнал много любопытного и уже знал, откуда можно извлечь Авдейкину зазнобу и его престарелого родителя.

В обед же пришел Воробей.

– Как тобой сказано, то в точности исполнено, – сказал он.

– Опись принес?

– Принес.

– Давай сюда.

Воробей протянул листки.

– Вот она. Под подол, ты уж прости, не заглядывал, а что сверху...

– «Шуба на бобре», – прочитал Деревнин. – «Под ней халат тонкого сукна, рудо-желтый, с нашитыми узорами. Под халатом порты широкие, как мужские. Сапоги с меховой оторочкой, красные. На шее цепь с тремя подвесками, одна под другой, серебряная, кольца большие, в подвесках самоцветы, название неизвестно. Серьги черного серебра. На правой руке, на пальце, перстень с бирюзой, остроносый...»

Как это – остроносый?

– А вот так. – Воробей пальцем нарисовал на столе фигуру. – С одного конца, что ближе к тулову, округлый, а с другого – вроде наконечника стрелы. На клюв похоже. Ульяна божится, что такое видит впервые.

– Не пошла по соседкам хвостом мести?

– Нет, дома сидит.

– Это хорошо.

– Так когда же?

– Дай срок. Авось не протухнет.

Не сильно этим утешенный, Воробей ушел. Деревнин по-

нимал – мало радости держать у себя на дворе, в сугробе, загадочное мертвое тело.

У него хватало забот, иначе он бы задумался, отчего Ульяна так скоро присмирела.

Вечером он отправился в Остожье, где уже ждал Тимошка с санями. Растолковав, что предстоит сделать, Деревнин уселся в те сани и поехал к Гречишникову.

– Твоего Архипку ждут в переулке, там, где кривая ветка из-за забора нависает. Пусть бежит во всю прыть и валится в сани, тут же мой Тимошка мерина хлестнет и умчит детинушку. Ни один кожемяка его не догонит – ноги у них короткие, – сказал он купцу. – А я у тебя покамест посижу. И вели своим молодцам прогуляться дозором вдоль забора – не караулят ли там меня кожемяки.

– Вот тебе десять копеек на его прокорм. Не хватит – добавлю.

– Ты уж поскорее, Мартьян Петрович, обоз снаряжай.

Из молодцов, служивших в гречишниковских лавках, женатые жили с женами при родителях, а двое неженатых – при купце, где им отвели подклет и стелили не войлоки на полу, а тюфяки на лавках. Они же, убедившись, что злобные братья-кожемяки убежали за санями и не вернулись, пошли к знакомому извозчику, вместе с Деревниным, несколько попетляв по длинным переулкам, доехали до Остожья, а оттуда вернулись домой.

Подьячий вошел в сени, отряхнулся от соломы, которую

ради тепла извозчик щедро навалил в санки, и принялся. Бабы наготовили пряженных пирогов, жирных и очень вкусных. Они лежали в латке, залитые горячим растопленным салом, и благоухали так, что за версту можно было учуять.

Архипка, спасенный от кожемяк, сидел на поварне и ел пирог.

– Ну, вставай, Аника-воин, – приказал Деревнин. – Дайка на тебя погляжу.

Архипка встал со скамьи.

Парнишка на вид был совсем обыкновенный – кудлатый, уже в меру плечистый, лопоухий, нос репкой, такого в толпе на Торгу разве что по кафтанишку признаешь.

– Жених... – пробормотал Деревнин. – Что, крепко они тебя поколотили?

– Крепко. Да и я им тоже!..

– Будет врать-то. Они – молодцы в самой силе, кто ты против них?

– Я Федьке зуб выбил. То-то он взбеленился!

– Суров. Грозен. Как же с тобой быть? Пока обоз соберется – у меня поживешь, что ли... Да ведь я дармоедов не люблю. Батюшка твой тебя разбаловал, Мартьян Петрович вовремя тебя у него не отнял да с обозом куды ни есть не отправил. Какая от тебя в хозяйстве польза?

Подьячий говорил строго – строже некуда. Не дитя перед ним, чай, пусть за ум возьмется. Пусть уразумеет – с него теперь спрос, как со взрослого.

– Не знаю...

– Вот и я не знаю. Ненила, заставь его завтра в подклете старый скарб разобрать. Там, поди, еще с времен царя Гороха всякое дерьмо валяется. Потом попросим Тимошку, он вывезет и куды ни есть свалит. А коли что путное найдется... Ну, вы с Марьей сами толковые бабы, не дадите добру пропасть.

Потом решили, где Архипке спать: да тут же, на поварне, бросить ему войлок на пол, возле печки, будет тепло и хорошо. Ночи две или три так поживет, пока Марья и Ненила его в ином месте не пристроят. А там уж и обоз до Мурома.

Деревнин сам спустил дворовых псов с цепи. Ежели кожемяки все же выследят Архипку, на двор лезть побоятся. А потом отправился к Воробью.

– Завтра ночью придешь ко мне, дам тебе детинушку... для известного дела...

– Это было бы хорошо...

– Сам знаю, что хорошо.

На следующий день, придя домой, Деревнин выслушал отчет Марьи: в подклете найдены старая шуба, невесть чья, лубяные коробка со всякой непонятной дрянью, сломанная прялка, доски, неведомо для чего припасенные, узел с тряпьем, горшки с трещинами и битыми краями, а также вполне еще годные, ежели подлатать, суконные полавочники. Ненила же сказала, что Архипка всем хорош, не перечит, да только ест – как трое здоровенных молодцов, из тех, что мешки

с зерном на баржи таскают.

– Купец дал кормовые деньги, дней на десять – по деньге с полушкой на день. Так что не ворчи и доставай из печи, что Бог послал.

И очень вовремя Ненила выставила на стол огромный горшок-кашник. Во дворе залаяли псы, но не злобно, а весело.

– Михайлу, поди, встречают, – сказала Марья, метавшая на стол миски и плошки с квашеной капусткой, с груздями и рыжиками солеными, с огурчиками махонькими солеными, особо – маленькую площадку с опятами, другую – с икоркой ястычной, третью – с мелкими, как тараканы, снетками. Было и сало двух видов, соленое и копченое. Последней Марья водрузила посередке большую толстую ковригу – резать ее на ломти следовало хозяину дома.

Сало Деревнин не одобрил было – сало обычно ел с утра. Но догадался – роскошь ради Михайлы. Марья после смерти жены Агафьи растила парнишку и старалась его баловать.

Вошел сын и, сняв шапку, перекрестился на Николу-угодника, которого Ненила держала на кухне, утверждая, что он по частистряпни тоже знатный помощник.

Михайла был так хорош собой, что любой батюшка бы таким сыном гордился: статный, плечистый, румяный, кровь с молоком, кудри и шелковистая борода – темно-русые, глаза в богатых ресницах – серые, улыбка – светлая, радостная, зубы – чистый жемчуг. Сразу видно: сейчас только личико округлое, а войдет в мужские года – станет осанист и доро-

ден, не хуже иного боярина, дородство – тоже дар Божий, вон товарищ по Земскому двору Кузьма Устюжанин тощ, сквозь кафтан ребра перечесть можно, и сколько бы ни ел сладкого и жирного – хоть бы фунт мяса на те ребра вырос. И у себя в приказе Михайла на хорошем счету.

Марья рассказывала – свахи вокруг двора вьются, перед ней лебезят: понимают ее положение при хозяине. Сама же она держит их в строгости и лишь о самых достойных невестах докладывает хозяину, и это правильно, иначе бы Иван Андреевич от такого избытка совершенно ненужных сведений озверел.

– Ну, здравствуй, сынок, – сказал Деревнин. – Утешил батюшку, и года не прошло – явился!

Не то чтобы он был сильно недоволен, а хотел показать отцовскую строгость. Все-таки Михайле лучше жить в Кремле, где на дворе у Вострых ему и стол, и даже мыльня. Иное дело – хорошо бы убедиться, что сын не нахлебник, а дает хозяйке деньги за прокорм, платит дворовым девкам за стирку портов и рубах.

– Прости, батюшка, служба, – ответил сын.

– Ладно уж. Садись. Ненилушка, дай ему ложку.

Михайла скинул шубу, которую Марья тут же вынесла в сени, и Деревнин невольно улыбнулся: сын вырос славным молодцом.

Сын же глядел на отца с некоторой тревогой: что, когда приискал невесту и велит завтра же – под венец?

Жениться Михайла желал, в его годы надобно, чтобы жена ждала со службы и от стола вводила в опочивальню, на чистую постель, а не тискаться по чуланам с беспутными дворовыми девками. Да только отцовский замысел он знал – непременно взять невесту из такой семьи, что поближе к Борису Федоровичу. Красавицу Деревниным не отдадут, а постараются сбыть с рук воронье пугало.

В Кремле Михайла нагляделся на красивых девок, особенно когда они, собираясь в храм на службу и в крестный ход, наряжаются во все лучшее. Забава была у приказной молодежи – глядеть на такой крестный ход с высокого крыльца, перемывая девкам и их родне косточки. Девки и женки про то знали и норовили проплыть со смиренным видом, опустив глазки; как знать, кто из этих веселых обалдуев окажется вдруг женихом.

Михайла еще никого себе не приметил, а отцовской воли побаивался.

– Марьюшка! Куда ты запропала, садись! – крикнул Деревнин. – Архипка! И ты садись.

– Это что еще такое? – спросил Михайла про Архипку.

– Хочу на службу к нам в приказ определить, а пока вот откармливаю, – отшутился подьячий. Потом он благословил трапезу и все же рассказал про Архипкин подвиг.

– А что, батюшка, может, отрок на Земском дворе и впрямь пригодится. Грамоте знает? – спросил сын.

– То-то и оно, что ни в зуб толкнуть.

Архипка покраснел.

Как следует поев, Михайла, по отцовскому примеру, ослабил пояс.

– Ты у нас ночуешь? – спросил Деревнин.

– Да. Хочу две рубахи взять, да портов две пары, да подушку – Семеновне обещал.

Семеновна была матерью его друга Никиты.

– Что ж, у Вострых подушек мало?

– У них дед болеет, сидеть может, лишь подушками обложившись.

– Поди, уж на ладан дышит... – Деревнин вздохнул, деда того он знал очень давно, сам был парнишкой, а Вострый уже бороду с проседью носил.

Михайла развел руками – похоже, дело шло к панихиде.

Женщины убрали со стола, Марья выдала Архипке его войлок, выдала тулуп – укрыться, когда ближе к утру печка остынет, парнишка лег в самом теплом месте и стал слушать беседу старших.

– А теперь расскажи, чадушко мое ненаглядное, кто поселился на Крымском дворе и для чего те люди приехали, – потребовал Деревнин.

– Они, батюшка, киргиз-кайсаки, вроде ордынцев, да не совсем, – несколько удивившись, ответил сын.

– А какой веры? Муллу с собой, чай, привезли?

– Муллу привезли. Он с нашим, московским муллою сошелся. Нашего к нему пускают, а его со двора – нет, не вы-

пускают...

– Как, у нас и свой есть?

– В Татарской слободе, а ты не знал?

Деревнин пожал плечами – мог бы и догадаться, хотя на Москве много крещеных татар, которым мулла без надобности.

– Сказывали, с крыши сарая уже пять раз в день кричит, зовет молиться, – продолжал сын. – Еще откормленных лошадей привели – резать на мясо. А баранов им наши татары пригонят.

– Так на что они сюда всей ордой притащились?

Михайла задумался.

– Может, ты, батюшка, помнишь, в котором году мы Кучум-хана воевали?

– Да мы уж лет пятнадцать с ним воюем. Погоди-ка... Его наши казаки разбили в тот самый год, как царевич Иван скончался. Но ты про Ивана помалкивай – сказывали, покойный государь его так посохом ударил, что оттого смерть приключилась.

Михайла покивал. Необходимость молчать о многих делах он в Посольском приказе уже усвоил.

– А на что тебе Кучум-хан? – спросил Деревнин.

– На его стороне воевал Ораз-Мухаммад, то ли киргиз-кайсацкий царевич, то ли вроде царевича, то ли целый султан, поди разбери, как у них там, в орде.

– Это все я помню...

На самом деле – почти не помнил. Но как это сыну показать?

– Тот Ораз-Мухаммад, по бабушке – Онданович, точно царевич, да еще знатного рода. Его наш воевода Чулков пленил и в Москву отправил. И тут наш Борис Федорович с ним сговорился. Сделал его воеводой, посылал шведа воевать. Живется ему тут хорошо, хотя многие считают его аманатом. Коли вдуматься – аманат и есть, потому что домой его не отпускают. И вот киргиз-кайсацкий Тауекель-хан прислал за ним посольство с дарами – чтобы его домой отпустили. Посла звать Кул-Мухаммад, как по бабушке – пока не знаем. По-русски не понимает, привез с собой двух астраханских татар – толмачей.

– Вот оно что.

– Сам знаешь, Крымский двор был заброшен, домишки там еле держатся. Так киргиз-кайсаки поставили свои войлочные круглые дома. Для нас – диво: как в таком можно зимой жить? А они не мерзнут. Довольны. И скот там при них, и лошади.

– И стенки войлочные? Как же держатся?

– Не знаю, я внутри не был. Мы с Никитой туда нашего дьяка сопровождали, один только раз нас туда пустили, их стерегут, чужому туда не попасть. Боярин Годунов велел стрельцким караулам день и ночь вокруг Крымского двора ходить. Ни они выйти не могут, ни к ним гость прийти. Одного лишь человека выпускают – да я тебе про то потом рас-

скажу.

– И верблюды там есть?

– Да, батюшка, и кони, и дойные кобылы, и дойные верблюдицы, нас верблюжьим молоком угощали. Лошади, на которых они приехали, к морозу привычные, умеют траву из-под снега добывать. А еще привели дорогих лошадей, тех поставили в особом сарае, укрывают, теплой водой поят. А охотничьих псов они уже отправили к государю – думали, он на охоту выезжает.

Деревнин вздохнул. Очень ему хотелось, чтобы государь был такой, как полагается – и на охоту ездил, и вверху, в царицыных покоях, полдюжины детишек бегало.

– А что за псы? – спросил он.

– Редкой и дорогой породы – тайганы. Там, в степи, их самым знатным людям дарят. Такой тайган в одиночку может волка затравить, вынослив, умен. Да что толку...

Михайла тоже сильно огорчился, что государь каждую неделю выезжает на богомолье, а в лес с охотниками – никогда.

– Киргиз-кайсацкое посольство, значит... Так ведь их царевич сам с ними не поедет, на что ему степь? Тут-то он воевода! Сказывали, на пирах по левую руку государя сидит! – воскликнул Деревнин. – Хотя, может статья, царевич – предлог, а надобно им от нас нечто иное. И что, баб они с собой тоже привезли?

Михайла пожал широкими плечами.

– Без баб им по их вере, поди, нельзя. Уезжает человек чуть ли не на год – как ему без бабы? Он же привык, что у него много жен.

– Как бы узнать по тех баб? А? Сынок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.